

Дарина Вереск

Меня
повело

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Царина Вереск Меня повело

<https://litres.ru/74093328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был моей первой любовью. Моей слабостью. Моей зависимостью. Я подстраивалась под него. Жила им. Дышала им. А потом поняла - в этой любви я исчезаю.

Макс не умеет держать. Я не умею отпустить.

Мы сломали друг друга, прежде чем поняли - это и есть любовь. Или нет?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	68
Глава 7	81
Глава 8	94
Глава 9	106
Глава 10	117
Глава 11	123
Глава 12	133
Глава 13	139
Глава 14	145
Глава 15	152
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Царина Вереск

Меня повело

Пролог

Алина

Я знаю его столько, сколько помню себя.

Он — как подъезд: всегда рядом, всегда есть, и ты не задумываешься, что когда-нибудь можешь выйти из него навсегда.

Я стою у дома и считаю этажи напротив. Его окна — тёмные. Он опять где-то.

Мне семнадцать. У меня выпускные экзамены, натёртые до мозолей стопы и тело, которое больше не хочет быть просто телом.

Я хочу его так, как не положено хотеть друга детства.

Так, как стыдно.

Так, как молчат.

И я не хочу больше молчать. Хочу его всего.

Глава 1

Алина

Я стою посреди школьного коридора и чувствую, как у меня внутри дрожит всё — от ключиц до колен. Воздух пахнет пылью, мелом и чьими-то духами, слишком сладкими, будто их вылили целый флакон. Люди вокруг смеются, переговариваются, кто-то уже радуется, кто-то ругается, а я не слышу ни слов, ни голосов — только собственный пульс в ушах. Он громкий. Глупо громкий.

Результаты уже вывесили. Они там. На стенде. Несколько шагов — и я узнаю свою судьбу. Несколько шагов — и станет ясно, куда дальше повернёт моя жизнь.

— Алина, ты чего застыла? — Вика толкает меня плечом.
— Пойдём смотреть.

Я киваю, но ноги будто чужие. Словно я не иду — меня ведут. Шаг. Ещё шаг. Лист бумаги на доске кажется ослепительно белым, почти светится. Люди столпились перед ним, спины, волосы, чужие локти. Кто-то вскрикивает:

— Да ладно?! Серьёзно?!

Кто-то стонет:

— Всё... мне конец...

Мне тоже конец. Или начало. Я ещё не знаю.

Мы протискиваемся ближе. Сердце уже не бьётся — оно

колотит, как если бы хотело выломать рёбра и сбежать. Я ищу глазами свою фамилию. Строки прыгают, буквы расплываются.

Сереброва. Вот она.

Я не сразу понимаю цифры. Просто смотрю. Потом моргаю. Снова смотрю.

Высокий балл. Очень высокий.

— Ну?! — Вика почти визжит мне в ухо. — Ну что там?!

— Я... — голос предательски шепчет. — Я прошла.

И в этот момент всё вокруг словно возвращается — шум, смех, шаги, хлопки по плечам. Мир снова включается.

— Сколько?!

Я называю.

Вика орёт громче всех. Она обнимает меня так резко, что я едва удерживаюсь на ногах.

— Я знала! Я знала, что ты сдашь круто!

Я смеюсь. Или плачу. Наверное, сразу всё. В груди становится тепло, будто там включили солнце. Я правда смогла. Правда. Не зря ночами сидела над конспектами, не зря отказывалась от прогулок, не зря глушила музыку в наушниках, когда хотелось танцевать, а не учить.

— Теперь точно поступишь, — говорит Вика уже спокойнее, разглядывая мой результат. — Даже без вариантов.

Поступлю. Слово звучит как билет. Как дверь. Как шанс.

И где-то внутри тихо вспыхивает мысль, от которой у меня сразу теплеют щёки. Если я поступлю здесь... я останусь

здесь. В этом городе. Рядом.

Рядом с ним.

Я не произношу имя вслух. Даже мысленно боюсь. Но оно всё равно возникает — чётко, как будто написано светом. Макс Руднев.

Он, наверное, даже не знает, что сегодня результаты. Ему, скорее всего, вообще всё равно. У него своя жизнь, свои друзья, свои дороги, по которым он мчится так быстро, что ветер не успевает за ним. А я... я просто стою на обочине и смотрю.

Но теперь у меня есть шанс быть ближе. Законная причина. Учёба. Реклама. Университет в нашем городе. Никаких переездов. Никаких расстояний.

— Алина, ты куда опять улетела? — Вика щёлкает пальцами перед моим лицом.

— Здесь, — улыбаюсь я.

И правда — здесь. В этом шумном коридоре. В этом июньском утре. В этом моменте, который пахнет пылью, духами и будущим.

Я снова смотрю на лист с результатами, будто боюсь, что цифры исчезнут. Но они на месте. Чёткие. Настоящие. Мои.

Сегодня всё начинается. Я чувствую это кожей.

Мы выходим из школы, и солнце сразу бьёт в глаза — яркое, июньское, живое. Асфальт уже тёплый, воздух пахнет листвой и свободой. Свободой — странное слово. Раньше оно значило каникулы. Теперь — взрослую жизнь.

— Ну всё, — говорит Вика, щурясь. — Мы официально больше не школьницы.

Я усмехаюсь, но внутри почему-то щёлкает тревога.

— Звучит страшно.

— Да ладно тебе. Это же круто! Универ, новые люди, вечеринки, общага...

— Я не в общагу, — перебиваю я. — Я дома буду жить.

Она смотрит на меня хитро, прищурившись:

— Конечно. Потому что кто-то не хочет уезжать из города.

Я делаю вид, что не понимаю.

— Эх, Алина. Ты такая умница. Могла бы попробовать и куда лучше поступить. У тебя есть все шансы. Ты умнее, чем думаешь.

— Потому что факультет тут хороший. И реклама — это перспективно. - начинаю приговаривать. Этот текст я выучила еще год назад и всем его предлагаю.

— Угу, — тянет Вика. — И совсем-совсем не потому что тут Руднев.

Имя падает между нами, как камешек в воду. Круги расходятся по груди.

— Вика...

— Что Вика? Я же не слепая. Ты на него смотришь так, будто он последний человек на планете.

Я отвожу взгляд на дорогу. Машины проезжают, шины шуршат по асфальту.

— Просто... — тихо говорю я. — Я хочу, чтобы всё сло-

жилось. Учёба. Жизнь. Всё.

— Сложится, — уверенно отвечает она. — Я вот на психолога подам. Буду вправлять мозги таким вот как ты. Напишу какую-нибудь диссертацию. Представляешь? Моё имя — мелким шрифтом внизу.

— Мелким?

— Ну ладно, крупным, — смеётся она.

Я тоже улыбаюсь, но внутри всё равно щекочет страх. Будущее кажется огромным залом с сотней дверей — и ни одной таблички.

— Вик... а если мы не справимся?

Она пожимает плечами:

— Тогда будем разбираться по ходу. Все взрослые так делают, просто притворяются, что знают план.

Я фыркаю. Звучит подозрительно правдоподобно.

— Слушай, — она толкает меня локтем, — ну что, сегодня встречаемся? Теперь можно отдыхать и не горбатится над учебниками, времени полно.

Сердце чуть ускоряется.

— Давай. Во сколько?

— Вечером напишу всем.

— Хорошо.

И мы идём дальше по улице — уже не школьницы, но ещё не взрослые. Где-то между. Мы прощаемся с Викторией возле остановки. Она уходит домой, а я жду свою маршрутку. Пока стою, звоню родителям и сообщаю результаты. Они очень

рады и говорят что нисколько не сомневались. Обещают вечером торжественный ужин.

Подходит моя маршрутка и я залезаю в нее. Она трясётся на кочках, будто тоже нервничает вместе со мной. Я сижу у окна, прижав колени к сиденью, и смотрю, как июнь скользит мимо — витрины, деревья, люди в лёгкой одежде. Лето только началось, а кажется, будто всё уже на пределе: воздух, солнце... и я.

И, конечно, мысли снова о нём.

Макс появляется в голове без приглашения — как песня, которая сама включается. Я вижу его плечи, руки, ленивую улыбку. Слышу голос — низкий, чуть хриплый, будто он только что проснулся. Он иногда называет меня «принцесса», в шутку, мимоходом, не вкладывая ничего особенного. А у меня от этого слова внутри всё переворачивается, как будто он коснулся меня ладонью.

Глупо. Очень.

Он ведь не думает обо мне так. Для него я... своя. Мелкая. Почти младшая сестра. Та, что всегда рядом в компании, смеётся громче всех над его шутками и слушает ту же музыку, что и он.

Но я всё равно ловлю себя на том, что подстраиваюсь под него. Заказываю те же напитки. Сохраняю треки, которые он кидает в чат. Даже одежду иногда выбираю, думая — заметит или нет.

Маршрутка тормозит резко, и я хватаюсь за поручень.

Сердце тоже будто притормаживает, а потом снова разгоняется.

Сегодня вечером мы увидимся. И от одной этой мысли ладони становятся тёплыми, будто я уже держу его руку.

Зал встречает меня привычным запахом лака для пола, пыли и чуть-чуть — пота. Родной запах. Я всегда думаю, что если бы у мечты был аромат, она пахла бы именно так — напряжением мышц и музыкой из старых колонок.

Я переодеваюсь в треники, застёгиваю танцевальные туфли и ловлю своё отражение в зеркальной стене. Щёки ещё розовые после дороги, волосы растрепались. Быстро собираю их в пучок. Танец не любит сомнений и распущенных мыслей.

— Сереброва, экзамены пережила? — раздаётся знакомый голос.

Я оборачиваюсь. Кирилл стоит у двери, прислонившись плечом к косяку так, будто это его личная декорация.

Он всегда выглядит так, словно вышел из рекламного ролика: рубашка светлая, рукава закатаны до локтей, часы на запястье блестят короткой вспышкой. Волосы уложены небрежно, но я знаю — это продуманная небрежность. Глаза тёмные, внимательные, будто он всё время что-то анализирует. И улыбается он уголком губ — спокойно, уверенно.

Рядом с ним любой парень кажется шумным подростком.
— Пережила, — отвечаю, поднимая подбородок. — Нормально сдала.

— Нормально — это сколько? - приподнимает бровь Кирилл.

— Достаточно, чтобы поступить.

Он кивает, будто именно этого и ожидал. Подходит ближе, и я замечаю тонкий запах дорогого парфюма — не резкий, а тёплый, древесный.

— Куда планируешь?

— На рекламу. Здесь, в городе. - поправляю свои волосы.

— Логично, — говорит он. — Тебе подойдёт.

— Почему? - оборачиваюсь я.

— Потому что ты умеешь привлекать внимание, даже когда молчишь.

Я фыркаю, но внутри что-то тихо щёлкает. Не комплимент даже — наблюдение. Он говорит так, будто констатирует факт, а не пытается понравиться.

Музыка в колонках щёлкает — Артём, наш тренер, включает трек для разминки. Ритм заполняет зал, и тело само начинает ловить такт. Я делаю круг плечами, тянусь вверх, разогреваю спину.

— А ты? — спрашиваю, не глядя на Кирилла, делая выпад. — Уже решил, куда уедешь покорять мир?

— Решил. В Швецию. Бизнес-аналитика или международная экономика. Смотрю варианты.

Конечно. Кто бы сомневался. Кирилл умный и серьёзный парень. Он уже давно спланировал свое будущее. И это лишь выбор из вариантов - какому учебному заведению достанется

такой отличный студент.

— Значит, нас скоро покинешь, господин перспективный,
— говорю я, улыбаясь.

— Возможно. Но не так быстро, как ты надеешься избавиться от моего общества. - ехидничает Кирилл и мягко улыбается.

Я качаю головой.

— Я не надеюсь. Я морально готовлюсь.

Он тихо смеётся. У него смех негромкий, как будто он не любит шуметь лишний раз.

С Кириллом мы, как говорится, с детства вместе. Когда-то нас поставили вместе в пару и так продлилось до сих пор. Конкурсы, соревнования, травмы. Все это было. Он мой лучший друг и теперь как-то печально расставаться. Но такая взрослая жизнь. Наши пути расходятся и каждый теперь пойдет своим путем.

Я начинаю разминку по диагонали — шаг, поворот, перенос веса. Чувствую на себе его взгляд. Не тяжёлый, не липкий — внимательный. Кирилл вообще умеет смотреть так, будто видит чуть глубже, чем остальные.

— Ты изменилась, — вдруг говорит он.

Я останавливаюсь.

— В смысле?

— Раньше ты танцевала, как будто доказываешь. Сейчас — как будто уже знаешь.

Сердце делает маленький скачок.

— Это хорошо или плохо? - приподнимаю я брови.

— Это опасно, — спокойно отвечает он.

— Для кого?

Он чуть склоняет голову.

— Для тех, кто не успеет понять, когда ты перестанешь быть девочкой.

Музыка усиливается, Артём хлопает в ладони, подзывая всех в центр. Я отворачиваюсь от Кирилла, но чувствую, как слова остаются на коже лёгким теплом.

Опасно.

Странно... потому что единственный человек, для кого я хочу быть опасной, даже не смотрит на меня так.

Музыка ударяет в пол, и я вхожу в неё сразу — без разгона, без подготовки, будто она уже звучала внутри меня. Раз — шаг, два — поворот, три — перенос веса. Пол под стопами тёплый, скользкий от старого лака, и я чувствую каждый миллиметр пространства так, словно танцую не в зале, а внутри собственного дыхания.

Кирилл напротив.

Он ловит ритм раньше меня — как всегда. Спокойный взгляд, ровная спина, точные движения. С ним невозможно расслабиться наполовину: он либо ведёт идеально, либо не ведёт вовсе. Его ладонь касается моей — уверенно, правильно, по-танцевальному. Никаких лишних прикосновений. Только работа. Только танец.

— Ещё раз с середины, — бросает тренер.

Музыка снова льётся — медленная, тягучая. Кирилл притягивает меня ближе в поддержке, и я знаю: со стороны мы выглядим как пара. Настоящая. Синхронная. Красиво смотрящаяся вместе.

Я делаю прогиб, позволяя корпусу раствориться в движении, и на секунду представляю, что в зеркале не мы с Кириллом.

А я и Макс.

От этой мысли дыхание сбивается. Шаг выходит чуть резче, чем надо. Кирилл сразу чувствует.

— Ты спешишь, — тихо говорит он, не выпуская моей руки.

Я качаю головой.

— Не спешу.

Но он всё равно замедляет меня — мягко, уверенно, возвращая в счёт. Его ладонь на моей талии твёрдая, контролирующая, надёжная. С ним невозможно упасть. С ним всё правильно.

И всё равно внутри — не то.

Музыка нарастает. Я провожу рукой по воздуху, поворачиваюсь к зеркалу и ловлю своё отражение. Щёки разгорелись, волосы немного выбились из пучка, глаза блестят. В этот момент я выгляжу старше. Женственнее. Почти такой, какой хочу быть. Такой, чтобы однажды Макс посмотрел — и не отвёл взгляд.

— Отлично, Сереброва, — слышу голос тренера. — Вот

это держи.

Я киваю, пытаюсь отдышаться.

Кирилл отпускает меня, но перед этим на секунду задерживает пальцы на моей ладони.

— Сегодня ты особенно в форме, — говорит он спокойно.

Я улыбаюсь. А сама думаю совсем о другом парне.

Музыка обрывается резко, как будто её выдернули из розетки. В зале сразу становится тихо — слышно только тяжёлое дыхание и скрип пола под шагами. Я вытираю запястьем лоб и чувствую, как по спине медленно остывает пот. Тело приятное, тёплое, уставшее — такое состояние бывает только после хорошей тренировки, когда каждая мышца жива.

— На сегодня всё, — объявляет тренер.

Кто-то облегчённо стонет, кто-то падает на пол. Я смеюсь тихо и тянусь за бутылкой воды. Глоток — и внутри будто светлеет.

Кирилл подходит ближе, уже с сумкой через плечо. Он всегда собирается быстрее всех — аккуратный, собранный, как будто даже усталость у него дисциплинированная.

— Ты сегодня правда молодец, Сереброва, — говорит он.

— Финал связки наконец сел.

Я пожимаю плечами, хотя внутри приятно.

— Потому что ты нормально повёл, Бельский.

Он усмехается уголком губ.

— Я всегда нормально веду.

— Самоуверенный.

— Реалист.

Мы смотрим друг на друга секунду дольше обычного. Не неловко. Просто... внимательно. Как партнёры, которые привыкли читать движения ещё до того, как они начались.

Я первой отвожу взгляд и начинаю складывать вещи.

— Ты вечером занята? — спрашивает он будто между делом.

— Да. С друзьями встречаемся.

Он кивает, без лишних реакций.

— Понял. Тогда до завтра.

— До завтра, Кирилл.

Мы приобнимаемся — коротко, по-дружески, почти танцевальному. Он уходит к выходу лёгким уверенным шагом, а я смотрю ему вслед и думаю, что с ним всегда спокойно. И всё же почему-то сердце ускоряется не рядом с ним.

Я влетаю домой на остатках танцевального адреналина. Туфли летят под тумбу, сумка — на стул, мама что-то говорит с кухни, но я отвечаю на автомате: «Угу», — и уже перед шкафом. Вечер с ребятами — это не событие. Это обычная встреча. Но внутри всё равно будто маленький праздник, потому что там будет он.

Перебираю вещи быстрее, чем думаю. Джинсы — нет, слишком просто. Платье — слишком старалась. В итоге выбираю шорты и лёгкий топ, будто мне вообще всё равно. Хотя не всё равно. Совсем не всё равно.

Иду на кухню. Мы ужинаем с родителями. Мама как и обе-

щала приготовила вкусненькое. Вновь слышу похвалу, что они не сомневались и как гордятся мной.

Телефон вибрирует.

Вика: «Я у подъезда.»

Сердце делает быстрый удар. Я благодарю за ужин и отправляюсь к выходу. Хватаю резинку, быстро собираю волосы, смотрю на себя в зеркало. Глаза блестят сильнее обычного. Смешно. Будто я не гулять иду, а на свидание.

— Мам, пап, я ушла!

— Не поздно!

— Постараюсь!

На улице тёплый июньский воздух обнимает плечи. Вика уже сидит в такси, машет мне из окна. Я ныряю внутрь, и машина сразу трогается.

— Ну что, выпускница, — улыбается она, — готова к взрослой жизни?

Я смеюсь, но внутри щекотно от предвкушения совсем другого. Не взрослой жизни. Вечера, где будет Макс. Да и друзей охота увидеть.

Такси тормозит у обочины, и музыка из открытого окна бьёт по ушам раньше, чем я успеваю расплатиться. Смеются, перекиваются, кто-то свистит — наша компания уже вся на улице, как всегда, будто двор принадлежит только нам.

Я выхожу следом за Викторией и сначала вижу всех сразу — знакомые лица, жесты, движения. Костя что-то доказывает, размахивая руками. Пара влюблённых Дамир и Лейла стоит

плечом к плечу. Кто-то машет нам.

А потом взгляд сам находит его.

Макс стоит чуть в стороне, прислонившись к мотоциклу, сигарета между пальцев, голова наклонена набок, будто он слушает не разговор, а свои мысли. Свет фонаря ложится на его скулы, подчёркивает линию шеи. Он смеётся — коротко, хрипло — и в этот момент поднимает глаза.

Смотрит прямо на меня.

И внутри у меня всё — как будто спотыкается.

Глава 2

Алина

Макс облокотился на мотоцикл так, будто это не техника, а продолжение его самого — одна нога на асфальте, локти расслаблены, сигарета тлеет между пальцев. Фара выключена, но металл всё равно ловит свет фонаря, и чёрный корпус блестит, как мокрый. Я на секунду зависаю, потому что картинка слишком... правильная. Слишком его.

— О-о-о, девчонки приехали! — орёт Костя первым и машет руками, будто мы звёзды сцены.

— Наконец-то! — подхватывает кто-то из парней.

Свист, смех, хлопки по плечам. Нас с Викторией сразу утягивают в центр круга, обнимают, треплют за волосы, спрашивают наперебой:

— Ну что, сдали?

— Сколько баллов?

— Кто умнее оказался?

— Конечно мы, — фыркает Вика, и все одобрительно гудят.

Я отвечаю что-то, улыбаюсь, смеюсь, но половина меня всё равно где-то сбоку. Там, где он.

Макс не спешит подходить. Просто смотрит. Спокойно. Лениво. Как будто ему не надо суетиться, чтобы быть в центре внимания. И от этого ещё сильнее хочется, чтобы он подошёл.

— Это надо отметить, — заявляет Костя торжественно.

— Выпускницы как-никак.

— Поддерживаю! — откликается Ян.

— Только без жести, — предупреждает Мира.

— Конечно без жести, — тут же соглашается Костя таким голосом, что все начинают смеяться, потому что ясно — будет именно жесь.

Пакет с бутылками уже оказывается на капоте припаркованной машины. Кто-то достаёт стаканчики. Кто-то включает музыку с телефона. Разговоры накатывают волнами — один перебивает другой, смех вспыхивает то тут, то там. Тёплый вечер будто гудит вместе с нами.

Я стою внутри этого шума, света, голосов — и всё равно чувствую только один взгляд.

Поднимаю глаза.

Макс всё ещё смотрит.

И когда наши взгляды сталкиваются, он медленно кивает мне — почти незаметно, только уголком губ. Как будто говорит: вижу тебя, принцесса. Ну или мне так кажется. Макс никак не выделяет меня. Для него что я, что Вика, что Мира, что Лейла - это девчёлки его компании. Любимые, только глянь в сторону, в обиду не даст. Но все же просто подружки.

Он не делает ничего особенного. Не рассказывает анекдоты, не машет руками, не старается быть громче остальных. Он вообще почти не двигается — только иногда стряхивает пепел с сигареты и слушает, как Костя в очередной раз с пафосом врёт про свои подвиги. Но странное дело — центр компании всё равно там, где он.

Это чувствуется кожей.

Парни то и дело оборачиваются к нему, будто проверяют реакцию. Девчонки смеются громче, когда он рядом. Даже музыка кажется тише, когда он что-то говорит — потому что все автоматически замолкают.

Он не главный. Он просто... Макс.

— Руднев, ты вообще слышишь, что я говорю? — возмущается Костя.

Макс лениво переводит на него взгляд.

— Слышу. Ты врёшь уже третью минуту.

Компания взрывается смехом. Костя возмущенно пихает его в плечо, но тоже смеётся.

Макс улыбается коротко, уголком рта, и снова затихает. Он не цепляется за внимание — внимание цепляется за него само. В нём есть какая-то странная уверенность, не показная, не наигранная. Такая, которая не требует доказательств. Как будто он точно знает, кто он есть, и ему не нужно никому это объяснять.

Я наблюдаю за ним украдкой и ловлю себя на том, что запоминаю каждую мелочь: как он запрокидывает голову, ко-

гда смеётся; как щурится от дыма; как пальцы уверенно держат руль мотоцикла, даже когда он просто сидит рядом.

Он вдруг поворачивает голову — прямо ко мне. Улыбка у него становится чуть шире. И внутри у меня тихо переворачивается мир.

Я стою рядом со всеми, смеюсь вместе со всеми, киваю в нужные моменты — и при этом будто нахожусь чуть в стороне, в своём отдельном мире, где есть только один человек.

Мы соседи. Наши квартиры напротив, наши детства переплетены двором, песочницей, велосипедами, общими компаниями. Мы выросли рядом — как будто из одной почвы. Для него я всегда была просто Алинка со второго подъезда. Мелкая. Своя. Безопасная.

А для меня он уже давно не просто сосед.

Мы так со всеми и подружились. Кто-то из ребят раньше тоже жил в нашей многоэтажке или в соседнем дворе, потом переехали. Кто-то познакомился через друзей. Но дружба никуда не ушла и мы по-прежнему общаемся и вообще друг за друга горой, все время вместе.

Компания шумит вокруг: Костя спорит, Вика смеётся так громко, что прохожие оборачиваются, Дамир и Лейла стоят в обнимку и вообще никого не замечают, Тим и Ян обсуждают какую-то подработку, Мира листает что-то в телефоне и периодически встревает в разговор. Мы все разные, но вместе — как пазл, который давно сложился и не разваливается.

Только у меня внутри свой отдельный пазл.

Я люблю его.

По-глупому. По-детски. До смешного сильно. Так, что подражаю его вкусам — слушаю ту же музыку, пробую тот же энергетик, смеюсь над теми же шутками. Так, что иногда ловлю себя на мысли: а если он однажды уедет, мой мир просто... схлопнется.

Он никогда не давал повода думать, что чувствует что-то похожее. Он добрый со мной. Лёгкий. Свой. Но не больше.

И всё равно я каждый раз смотрю на него так, будто это может что-то изменить. Будто однажды он посмотрит в ответ — по-другому.

Музыка становится громче, разговоры — живее, воздух — теплее. Кто-то уже разлил напитки по пластиковым стаканчикам, Костя торжественно объявил тост «за мозги выпускниц», хотя сам едва не перепутал моё имя с Викиным, и теперь все смеются над ним, а он клянётся, что это была проверка на внимательность.

Я делаю глоток сладкого лимонада с лёгкой горчинкой алкоголя и морщусь. Вика тут же толкает меня локтем:

— Не кривись, будто яд дали.

— Оно и есть почти, — шепчу я.

Она хихикает и цепляется за мою руку, как в школе на переменах. С ней всегда спокойно — как будто у меня есть якорь, который держит, даже если внутри всё штормит. Хорошо иметь собственного психолога. Мне он пригодится.

Костя уже рассказывает новую историю, активно жестику-

лирую стаканчиком, и половина компании слушает, половина спорит между собой о какой-то музыке. Влюблённая парочка шепчется в стороне, касаясь лбами. Ян пытается включить колонку погромче, но она хрипит и выдаёт басы с таким надрывом, будто тоже пила вместе с нами.

Макс всё ещё рядом с мотоциклом, но теперь уже в разговоре. Его голос не громкий, но каждый раз, когда он говорит, люди автоматически притихают. Потому что хотят услышать.

Я ловлю себя на том, что слушаю не смысл слов, а звук его голоса. Низкий, ленивый, с лёгкой хрипотцой — будто он только что проснулся и ещё не до конца вернулся в реальность. От этого по коже бегут мурашки, и я делаю вид, что просто поправляю волосы.

— Алин, ты чего такая тихая? — спрашивает Тим.

— Наблюдаю, — улыбаюсь.

— За кем? — тут же цепляется Вика, хитро щурясь.

— За вами, конечно.

Все принимают ответ за шутку, и разговор снова уносит их. Только Вика бросает на меня короткий взгляд — понимающий. Она знает. Вика единственная кто в курсе моих вздыханий, остальные даже не замечают, что я все время заливаюсь краской. Видимо привыкли и вообще думают что это норма моего оттенка кожи. Хотя кожа у меня светлая.

Смех вспыхивает снова, кто-то хлопает в ладоши, музыка меняется на более быструю. Вечер будто разгоняется, как

карусель, и я чувствую, как внутри растёт тёплое, светлое ожидание.

Костя пьянеет. Он делает это резко, как будто кто-то щёлкнул выключателем. Сначала он просто громче смеётся. Потом начинает повторять шутки по второму кругу. Потом обнимает всех подряд и клянётся в братской любви. А через десять минут уже стоит посреди круга с серьёзным лицом и пытается доказать фонарному столбу, что тот его не уважает.

— Всё, пациент готов, — вздыхает Тим.

— Я абсолютно нормальный, — заявляет Костя, шатаясь.

— Просто земля качается.

Он делает шаг — и едва не падает. Макс ловит его за плечо одной рукой, даже не напрягаясь.

— Домой тебе пора, герой.

— Я не герой. Я легенда, — бормочет Костя, но уже без прежнего запала.

Телефон оказывается у Яна быстрее, чем кто-то успевает возразить.

— Адрес тот же? — уточняет он.

— Угу, — кивает Макс.

Ян вызывает такси, быстро диктует улицу и убирает телефон.

— Через пять минут будет.

Вика смотрит на Костю, который уже почти спит стоя, и вздыхает:

— Я поеду с ним. Мы всё равно в одном районе живём.

Доведу до квартиры.

— Одна не доведёшь, — сразу отзывается Ян. — Я с вами.

— Да я справлюсь...

— Вика, — спокойно перебивает он, — он тебя перевесит килограммов на двадцать. Как ты его потащишь?

Она морщит нос, понимая, что спорить бессмысленно.

— Ладно. Только без геройства.

— Без геройства скучно, — улыбается Ян.

Костю тем временем аккуратно усаживают на бордюр. Он что-то невнятно бормочет про дружбу до гроба и пытаетсяжать руку воздуху. Компания смеётся, но уже мягче, заботливо. В этом смехе нет насмешки — только привычка. Мы все знаем Костю. И знаем, что он хороший. Просто иногда слишком... вдохновлённый жизнью.

Фары подъезжающего такси выхватывают нас из полумрака. Ян поднимает Костю на ноги, закидывает его руку себе на плечо.

— Всё, легенда, поехали спать.

Вика поправляет сумку и машет нам:

— Все пока!

Я киваю, провожая их взглядом.

Нас становится меньше. И почему-то сразу тише. Без Кости шум будто схлопывается. Не исчезает совсем — музыка всё ещё играет, кто-то смеётся, Дамир и Лейла всё так же стоят плечом к плечу, — но ощущение такое, будто из вечера вынули один яркий огонёк, и свет стал мягче.

Мира вспоминает, что рано вставать. Тим говорит, что ему завтра на подработку. Лейла зевает, прикрывая рот ладонью. Компания начинает редеть маленькими порциями — без прощаний на полчаса, а спокойно, как вода уходит с берега.

Я стою рядом с Викой уже без Вики. Странное чувство.

Музыку убавляют. Ян пишет, что они добрались. Все выдыхают: значит, миссия «доставить Костю» выполнена успешно.

Я поднимаю взгляд — Макс тушит сигарету носком кроссовка. Потом поднимает голову, будто почувствовал, что я смотрю.

— Ты домой как? — спрашивает он.

Просто вопрос. Но у меня внутри сразу становится тесно от сердца.

— Да... такси вызову, наверное, — отвечаю я, стараясь звучать спокойно и инстинктивно прикусываю губу.

Он кивает, секунду молчит, потом чуть склоняет голову в сторону мотоцикла.

— Садись. Подвезу.

Сказано так просто, будто он предлагает передать соль за столом. Для него — мелочь. Обычное дело. А у меня ладони вдруг становятся тёплыми.

— Не тяжело? — спрашиваю зачем-то.

Он усмехается.

— Принцесса, он железный. Выдержит.

И открывает взглядом место за спиной.

Мир сужается до одного выбора. Сесть.

Макс подходит ближе, и всё вокруг будто делает шаг назад. Я слышу, как где-то смеются ребята, как щёлкает музыка, как проезжает машина на соседней улице — но это всё фон. Главное сейчас — Макс напротив меня. В руках у него шлем.

— Держи, — говорит он.

Я беру, но пальцы немного скользят по гладкой поверхности. Он замечает. Конечно замечает. Он вообще замечает всё, даже когда делает вид, что ему лень смотреть. Кроме моих чувств к нему.

— Стой, — тихо говорит он.

И сам надевает.

Шлем опускается на голову мягко, осторожно. Его пальцы касаются моих висков, поправляют ремешок под подбородком. Движения спокойные, уверенные — будто он делал это сотни раз. Но для меня это первый раз, когда Макс так близко. Настолько, что я вижу тонкую светлую полоску шрама у него на подбородке. Настолько, что чувствую запах — смесь табака, мыла и чего-то тёплого, мужского, только его.

Он застёгивает защёлку.

Щёлк.

И почему-то этот звук отдаётся внутри сильнее, чем должен.

— Не давит? — спрашивает Макс.

Я качаю головой. Голос куда-то пропал, поэтому только шепчу:

— Нет.

Он секунду смотрит. Просто смотрит. Как будто проверяет не шлем — меня. Потом отступает на шаг и перекидывает ногу через мотоцикл.

— Садись.

Сердце колотится так громко, что кажется — его слышно всем. Я подхожу, осторожно ставлю ногу на подножку и устраиваюсь позади него. Секунда нерешительности — куда деть руки? Не обнимать же. Но и держаться за воздух невозможно.

Я осторожно кладу ладони ему на бока, почти не касаясь. Ткань футболки тёплая. Под ней — твёрдость мышц. Он это чувствует. .

— Держись нормально, — говорит Макс через плечо. — Я быстро езжу.

И чуть поворачивает голову, добавляя уже тише:

— Не стесняйся.

Я сглатываю — и обнимаю крепче. Ладони смыкаются у него на животе. Тело само запоминает форму его талии, напряжение под кожей, тепло. Внутри меня что-то плавится, как сахар в горячем чае.

Двигатель оживает рывком — низкий, вибрирующий звук проходит сквозь сиденье прямо в позвоночник. Я вздрагиваю и сильнее прижимаюсь к нему. Он чуть усмехается — я

это чувствую спиной.

Мы трогаемся. Сначала медленно. Потом быстрее.

Воздух сразу становится прохладнее, в лицо бьёт поток, выбивая из головы лишние мысли. Город скользит мимо — фонари растягиваются в золотые полосы, витрины мигают светом, асфальт под колёсами шуршит ровно и уверенно.

Я держусь за него крепко. Уже не потому что страшно. Потому что не хочу отпускать.

Каждый поворот — как маленькое падение вбок, и я инстинктивно прижимаюсь к его спине сильнее. Чувствую, как он управляет мотоциклом — спокойно, точно, будто разговаривает с дорогой без слов. В нём нет резкости, нет показухи. Только уверенность. И эта уверенность передаётся мне.

Страх исчезает. Остаётся только странное, пьянящее ощущение полёта. Как будто мы не едем — летим сквозь тёплую июньскую ночь вдвоём, отделённые от всего мира шумом мотора и моими руками вокруг него.

Я утыкаюсь ему между лопаток. Он тёплый. Живой. Настоящий. Если дорога никогда не закончится, я не буду против.

Мотоцикл плавно сбавляет скорость. Поворот. Ещё один. Я узнаю улицу — мою.

Сердце вдруг начинает биться быстрее. Потому что дорога всё-таки заканчивается.

Мотоцикл останавливается у нашего подъезда мягко, без рывка, будто и он не хочет заканчивать поездку.

Двигатель глохнет — и сразу становится слишком тихо.

Я медлю секунду, прежде чем разжать руки. Пальцы будто не слушаются. Ладони ещё помнят тепло его тела, и когда я отстраняюсь, мне на мгновение становится холодно, хотя вечер тёплый, июньский.

Макс первым слезает с мотоцикла и поворачивается ко мне. Поднимает забрало шлема, расстёгивает ремешок под подбородком — снова его пальцы близко к лицу. Слишком близко. Слишком спокойно.

— Всё, приехали, принцесса, — говорит он негромко.

Я снимаю шлем, волосы рассыпаются по плечам, протягиваю ему. Наши пальцы касаются. Лёгкое, случайное прикосновение — но по коже будто искры пробегают. Он забирает шлем, вешает на руль.

Я неуклюже прыгиваю следом, чувствуя, как немного дрожат колени — то ли от скорости, то ли от него.

— Спасибо, — говорю я. Голос звучит тише, чем хотелось.

Он пожимает плечом, будто это пустяк.

— Обращайся.

Пауза.

Мы стоим друг напротив друга, и ни один не уходит. В подъезде за спиной хлопает дверь, где-то наверху смеются соседи, на дороге проезжает машина — жизнь идёт, как обычно. Только внутри у меня всё не как обычно.

— Спокойной ночи, Алин, — говорит он.

Он единственный, кто сокращает моё имя так мягко. Говорит легко, как всегда. А у меня внутри от одного слова - вспышка.

— Спокойной ночи.

Макс надевает шлем, садится на мотоцикл, заводит двигатель. Рёв мотора снова заполняет пространство, вибрация проходит по асфальту, по воздуху, по мне.

Макс кивает на прощание — коротко, по-своему — и трогается. Фара выхватывает кусок дороги и через секунду он уже дальше по улице, силуэт сливается с темнотой, звук постепенно растворяется в ночи.

Я стою и смотрю, как красный огонёк его заднего фонаря удаляется по улице, становится меньше... меньше...

Пока не исчезает совсем.

Я стою одна у подъезда и все еще чувствую его тепло на своих ладонях. И только тогда я понимаю, что всё это время улыбалась.

Глава 3

Макс

Я просыпаюсь потому что организм решил, что хватит валяться. Глаза открываются сами. Потолок тот же, что и всегда: белый, с тонкой трещиной у люстры, которую мама обещает заделать уже третий год. С кухни тянет приятным запахом — значит, она встала раньше. Как обычно.

Я лежу пару секунд, не двигаясь. Слушаю квартиру.

Старая батарея тихо щёлкает. За стеной сосед кашляет, как дизельный двигатель. Во дворе хлопает подъездная дверь. Всё знакомое. Всё своё. Простое. Без лишнего.

Я провожу ладонью по лицу, сажусь на кровати, чешу затылок. Волосы торчат в разные стороны — пофиг. На полу футболка, джинсы на стуле, телефон под подушкой. Обычное утро обычного пацана.

Берусь за телефон — время, уведомления, пара сообщений в чате. Костя, конечно помнит о вчерашнем позоре. Усмехаюсь. Живой — уже достижение. Видимо кого-то сегодня не следует ждать на работе и придётся вкалывать одному. Семенych его уволит.

Потягиваюсь, мышцы тянет приятно. Тело помнит дорогу, ветер, ночную прохладу.

И её руки.

Я замираю на секунду.

Алина. Мелкая соседка. Принцесса. Вечно смотрит так, будто я ей что-то должен, хотя сам не понимаю — что. Вчера на мотоцикле держалась крепко. Слишком крепко для просто подруги.

Я хмыкаю и встаю.

— Макс, завтрак остынет! — доносится с кухни голос мамы.

— Иду!

Голос у меня хриплый после сна. Нормальный такой, рабочий.

Я натягиваю футболку, провожу рукой по лицу ещё раз и выхожу из комнаты.

Новый день.

На кухне тепло и пахнет кофе с чем-то сладким — мама опять достала варенье, хотя я сто раз говорил, что утром мне достаточно просто кружки и тишины. Вру. Конечно я слопаю все что плохо лежит на столе. И не плохо лежит тоже. И что мама приготовила.

Она стоит у плиты в своём старом домашнем халате, волосы заколоты крабиком, на носу очки. Вид сосредоточенный, будто не я сейчас зашёл, а инспекция из министерства завтраков.

— Проснулся наконец, — говорит, не оборачиваясь. — Я уже думала, тебя будить идти.

— Не надо меня будить, мам, я не трактор зимой.

Она фыркает — тихо, но с улыбкой. Я сажусь за стол, подтягиваю к себе кружку. Горячая. Обжигает ладони. Нормально.

— Сегодня работаешь? — спрашивает она, ставя передо мной тарелку с яичницей.

— Угу.

— Допоздна?

— Как выйдет.

Она кивает, но я вижу — мысленно уже прикидывает, во сколько греть ужин. Она всегда так. Даже если я скажу, что не приду — всё равно оставит. На всякий случай. Потому что «вдруг проголодаешься».

Я ем молча. Яичница норм, хлеб свежий. За окном двор уже тоже проснулся: дети орут, машина сигналит, бабка с первого этажа ругается с кем-то по телефону. Наш район как старый радиоприёмник — никогда не выключается.

— Макс, — осторожно начинает мама, садясь напротив, — первый курс закончен. Может ты переведешься на очное?

— На очном нет времени на работу.

— Ну и что? Ты у меня мальчик умный, не глупее остальных. Может куда выше потом сможешь поступить.

— Мам. - кидаю ей нетерпеливо.

Она поднимает ладони, сдаётся.

— Всё, молчу.

Но через секунду всё равно добавляет мягче:

— Я ж не пристаю. Просто хочу, чтоб у тебя всё нормаль-

но было.

Я смотрю на неё. У неё глаза уставшие, но тёплые. Она не давит. Никогда не давит. Просто переживает — по-своему, тихо.

— Ну а хотя бы деньги на бензин - не у тебя же брать. Будет нормально, — говорю я.

И это не отмазка. Это обещание. Мама одна меня тянула. Отец ушел к другой и не особо переживал. Так что опереться не накого. Да и мальчик я уже большой, двадцать лет.

Она улыбается чуть-чуть — так, будто поверила ровно наполовину.

Я допиваю кофе, встаю, закидываю последний кусочек хлеба.

— Ты хоть поешь нормально на работе, — говорит она вслед.

— Поем.

— И не кури много.

Я усмехаюсь.

— Это уже фантастика, мам.

Она качает головой, но улыбается.

Работа встречает меня привычным запахом — смесь металла, пыли и чего-то нагретого, будто воздух здесь всегда на пару градусов горячее, чем на улице. Склад живёт своим ритмом: грохот тележек, короткие команды, шорох упаковочной плёнки. Никакой романтики. Зато всё честно.

— О, Руднев, живой, — кивает бригадир, даже не подни-

мая головы от накладных.

— А куда я денусь.

Он хмыкает. Здесь так здороваются — без лишних слов, без хлопков по плечу. Если пришёл вовремя и работаешь нормально, тебя уже уважают. Остальное — лишнее.

Я натягиваю перчатки, беру список. Сегодня разгрузка плюс сортировка. Таскать, складывать, отмечать. Руки знают, что делать, ещё до того как мозг включится. Коробка — палета — стеллаж. Коробка — палета — стеллаж. Ритм простой, как бит в старом треке.

Тело быстро входит в режим. Спина греется, плечи наливаются тяжестью, ладони чувствуют вес через плотную ткань перчаток. Мне это нравится. Когда работаешь физически — мысли не скачут, не носятся как бешеные. Всё становится прямым и понятным: поднял — перенёс — поставил.

— Слышал, Костя вчера опять отличился? — бросает Витек с соседнего ряда. - Приполз, лежит в комнате.

— Он каждый раз отличается. - беру очередную коробку.

— Говорят, такси его как мешок картошки грузило.

— Не как, — усмехаюсь я. — Он и был мешок.

Витек ржёт. Разговор заканчивается так же быстро, как начался. Тут никто не болтает часами — некогда. Да и не за этим приходят.

Я поднимаю очередную коробку, ставлю на место, выпрямляюсь. Пот по виску скатывается к шее. Нормально. Живой.

Я ставлю груз на стеллаж чуть жёстче, чем нужно.

— Ты чё, злишься на коробку? — кидает Витек.

— Воспитываю, — отвечаю спокойно.

Он снова ржёт, а я отворачиваюсь к списку.

Работа — штука полезная. Она отлично выбивает лишние мысли из головы. Жаль только, что некоторые возвращаются сами. В голове не та история, о которой думаешь между палетами.

Перекур. Иду в комнату отдыха. Костя лежит на диване так, будто его сюда выбросило штормом. Одна нога на полу, вторая на подлокотнике, рука свисает, пальцы почти касаются пустой бутылки у ковра. Я стою в дверях и смотрю на него, и единственная мысль — если он сейчас моргнёт, это уже победа.

— Живой? — спрашиваю.

Он издаёт звук. Не слово. Звук. Как старый чайник, который забыли выключить.

— Воды, — сипит он.

Я иду на кухню, наливаю стакан. Возвращаюсь. Он даже не шевелится, только глаза косит в мою сторону, как кот, которому лень поворачивать голову. Подношу стакан — он цепляется за него обеими руками, будто я могу передумать и забрать.

Пьёт долго. С паузами. С закрытыми глазами. Потом выдыхает:

— Брат... я больше никогда...

— Ага. Слышал.

Он стонет и утыкается лбом в диван.

Я сажусь на край кресла, смотрю на его затылок и думаю, что каникулы — штука опасная. Слишком много свободного времени — и вот результат: один валяется трупом, второй сидит и не знает, куда себя деть.

— Слушай, — говорю, — я думаю подработку взять.

Костя не реагирует.

— Курьером, может. Машина есть. Чего ей стоять. - размышляю.

Он медленно поворачивает голову. Глаза мутные, но в них появляется слабый интерес.

— Ты? Работать? Добровольно?

— Представь себе.

— Мир рушится, — шепчет он.

Я усмехаюсь. На самом деле мысль не такая уж смешная. Деньги лишними не бывают. Работы я не боюсь. И за любую могу взяться, лишь бы платили хорошо. Да и кататься по городу — лучше, чем тухнуть в комнате и считать трещины на потолке.

Костя щурится:

— Главное... клиентов не перепутай... с мусорными баками...

— Главное, чтобы ты в баки не перепутал дорогу, когда встанешь.

Он закрывает глаза снова.

— Я никуда... не встану...

До вечера конечно. Живой труп.

— Кстати, — Костя морщится, потирая виски так, будто пытается стереть себе память, — та девка вчера про тебя спрашивала.

Я не сразу реагирую. Сажу лениво кручу ключи на пальце. Сквозняк гоняет запах бензина и пыли. День обычный. Настолько обычный, что слова друга звучат как шум радио на фоне.

— Какая именно? — спрашиваю спокойно.

— О-о-о, — он щурится, усмехается криво. — Брат, если ты уже не помнишь — значит вечер удался.

Я фыркаю.

— Их там было много.

— Не, эта запомнилась. Тёмные волосы, взгляд такой... будто она не спрашивает, а выбирает. Подошла, пока ты с пацанами ржал, и говорит: «А тот на байке — всегда такой?»

Я невольно усмехаюсь краем губ.

— И чё ты ответил?

— Что да. Всегда такой самодовольный.

— Пошёл ты.

Он тихо ржёт и морщится от собственного смеха — похмелье не прощает резких движений.

— Она, короче, интересовалась. Спрашивала, есть ли у тебя девушка. Часто ли появляешься. Где работаешь.

Ключи перестают вращаться. Я ловлю их в ладонь.

— И ты, конечно, всё выложил?

— Ага. Адрес, номер паспорта и график сна, — он закатывает глаза. — Сказал, чтоб сама спрашивала. Она так посмотрела... будто и правда будет.

Я молчу секунду.

Внутри ничего не ёкает. Ни радости. Ни ожидания. Просто фиксирую факт — как погоду за окном.

— Ну и? — тянет Костя. — Тебя это вообще трогает?

Я пожимаю плечами.

— Если захочет — подойдёт.

— А если нет?

— Значит нет.

Он качает головой.

— Ты невозможный человек, Макс.

— Зато без головной боли, — спокойно отвечаю я. — В отличие от некоторых.

Костя стонет, хватаясь за виски.

— С*ка... больше никогда не буду пить.

— Будешь, — говорю я. — В пятницу.

Он тяжело вздыхает.

— Буду...

Я смотрю в окно. Солнечный свет падает на двор, где кто-то лениво катит велосипед. День идёт дальше, как ни в чём не бывало. И я вместе с ним.

Телефон дергается в кармане. Сообщение. Я не сразу смотрю, лениво вытаскиваю. Экран светится. Имя незнако-

мое. Девушка. Та самая.

«Встретимся ещё раз?»

Я сжимаю телефон в руке, медленно листаю вниз. Ответить? Нет. Не хочу. Развлекались — и хватит. Все эти «ещё раз» всегда заканчивались одинаково: поцелуй, смех, затем свидания, ревнушки и претензии. На такое я не готов. Хочется веселиться и развлекаться. А не погружаться в терни отношений.

Ладонь сжимается вокруг телефона. Я кладу его обратно в карман. Не хочу.

Но девчонка правда эффектная - все эти изгибы, глаза, и стонала так сладко. Нарядятся так, выставят все напоказ и попробуй мимо пройди. Умело владеют своей «экипировкой». На повал валят. Вон даже Алинка и то нарядилась. Чертовка. Лето, но все же, как можно одевать такие короткие шорты и топ. Стояла, тряслась. Тонкая как ветка, плечи подрагивают, будто ветер сквозь нее проходит. Холодно было. А у меня с собой тоже ничего. Ни куртки, ни толстовки. Только руки. Накрыть бы чем-нибудь чтобы не мерзла. Так. Стоп. Куда это меня понесло.

Я резко выпрямляюсь на кресле.

Алиночка маленькая, школьница еще. Сестренка. Соседская девчонка. Тоненькая вся. Хрупкая. Такую конечно укрыть охото. Под защиту взять. А тут топ этот. Ребенок, а взрослую строит.

С ней в куклы играть надо, а не...Я шумно выдыхаю.

Хотя и выросла конечно. Мозг, предатель, уже дорисовывает: вон, ноги какие длиннющие, фигуристая, глаза большие, бедра плавные, губы пухлые, мягкие... Да что за фигня. Нужно еще устроиться на подработку. А то мозг кипит.

Я морщу брови, не понимая себя. Обычно так не бывает. Я не задерживаюсь на девчонках дольше пары часов. Развлечение — и всё. А тут... что-то внутри цепляется, как скотч.

— Хм, странно, — тихо говорю себе. — Нифига себе.

Смотрю в окно. Двор пустеет, солнце уже почти за домами. Лето, жара, июнь. Всё кажется знакомым, привычным, и вдруг — она в голове, как будто рядом.

Я вздыхаю. Не хочу это признавать даже себе.

Я откидываюсь на спинку стула, скрещиваю руки на груди. Смешно. Как странно иногда мысли переплетаются. С одной стороны — лёгкая игра. С другой — сердце бьётся по-новому.

Глава 4

Алина

Солнечные лучи лениво пробиваются сквозь занавески, обжигают ресницы и перебегают по полу. В комнате тепло, пахнет кофе с кухни и лёгкой прохладой улицы, которая успела проникнуть через приоткрытое окно. Я сижу на краю кровати, тянусь, потягиваюсь, и в голове уже всплывает вчерашний вечер — поездка с ним.

Как он одевает мне шлем, как усаживает за собой на мотоцикл, лёгкое напряжение, когда мы трогаемся с места, ветер, который сносит мысли прочь, а остаётся только он и я, близко. И смех, который вырывается сам собой, когда дорога кривится, а я держусь за него крепче, чем нужно. Воспоминание словно шёлковая тень на щеках — приятно, тревожно и возбуждающе одновременно.

Я поднимаюсь, аккуратно поправляю волосы и слегка улыбаюсь. Вчерашняя ночь ещё оставила след в сердце — не знаю, как он сам воспринимает это, но мне кажется, что для меня это было... важнее, чем просто поездка.

Мама где-то рядом, хлопает в кастрюлях, готовит завтрак. Папа уже занят своими утренними делами. Всё привычно, спокойно, но при этом в груди что-то слегка дрожит от воспоминаний о нём. Вчерашняя поездка оставила след, кото-

рый не смоеет ни время, ни привычная рутина.

Мама в кухне хлопочет с утра. Она всегда такая — заботливая, немного строгая, с этим тихим контролем, который не раздражает, а словно обволакивает теплом. Папа тоже заглядывает на кухню, проверяет, всё ли на месте, улыбается на пару секунд, садится рядом.

Я сижу за столом, кружка тёплого чая в руках, смотрю на знакомые вещи вокруг: аккуратно расставленные баночки, полотенца, мягкие подушки на диване. Уют, который невозможно не любить. Но вместе с этим приходит ощущение ожидания.

Мама поднимает глаза на меня:

— Ты все таки решила остаться? — спрашивает она спокойно, но в голосе слышится лёгкое напряжение. - Может попробуем еще куда подать документы?

— Нет, — отвечаю, стараясь не показывать, что сердце слегка трепещет. — Думаю о рекламе, хочу остаться в городе. Здесь прекрасный университет.

Она кивает, но взгляд уходит в окно, словно проверяет, будет ли у меня всё хорошо.

— Главное, чтобы ты знала, чего хочешь, — тихо добавляет папа. — Мы просто хотим, чтобы ты была счастлива, но и чтоб не жалела потом.

Я улыбаюсь сквозь лёгкую тревогу. Они не дают, но их ожидания ощущаются в каждом слове, в каждом движении. Хочется оправдать, хочется показать, что могу сама выби-

рать путь, но при этом хочется их одобрения. Я выбрала этот университет и эту специальность не только из-за Макса, но и чтобы не подвести родителей. Оправдать их ожидания. Совместить как бы полезное с приятным.

— Я знаю, пап, — говорю. — Всё будет нормально.

Мама делает лёгкий вздох, садится напротив, гладит мои руки:

— Я верю. Просто будь уверена в себе.

Я смотрю на неё, ощущаю этот тихий контроль, заботу, ожидание. Они верят в меня, ждут моего успеха, но понимают, что решать буду я. И это одновременно вдохновляет и немного пугает.

Тепло дома, тепло родителей, тепло их ожиданий — всё переплетается с моими мыслями о будущем, о Максе, о выборе пути, о том, кем я хочу стать. И где-то внутри появляется решимость: я справлюсь.

Мы едем с папой молча, только радио тихо шуршит новостями, которые никто из нас не слушает. Я смотрю в окно на знакомые улицы и думаю, как странно — ещё вчера я была школьницей, а сегодня везу документы в университет. Взрослая. Почти.

Папа паркуется у здания, глушит двигатель и коротко смотрит на меня:

— Готова, студентка?

Я улыбаюсь.

— Готова.

Внутри пахнет бумагой, пылью и чем-то официальным. Очереди, абитуриенты, родители — у всех одинаково напряжённые лица. Мы только подходим к столу приёмной комиссии, как слышим голос:

— О, Олег, ты ли это?

Папа оборачивается, расплывается в улыбке. Его знакомый — высокий мужчина в светлой рубашке — жмёт ему руку и переводит взгляд на меня.

— Дочка? Уже поступает? Как дела, красавица?

— Хорошо, — отвечаю вежливо.

— Сюда решила поступать?, — кивает он.

— Да, хочу заниматься рекламой.

— Это хоршо, перспективно. А что здесь? Что не уехала куда? Или с папой, мамой охото поближе, - улыбается знакомый.

— Нет, мне здесь нравится. Люблю наш город. Не обязательно же куда -то уезжать, чтобы чего-то добиться, - пытаюсь оправдаться я и немного краснею. Этот мужчина совсем смутил меня.

— Правильно, что не поехала в столицу. Сейчас все туда рвутся, будто там мёдом намазано.

Я чувствую, как папа чуть горделиво выпрямляется.

— Она сама решила здесь, — говорит он.

— И правильно, — продолжает знакомый. — Этот университет тоже сильный. Умница, что выбрала с умом.

Я киваю и улыбаюсь. Да, выбрала с умом. Но и сердцем.

Этим взрослым дядькам необязательно знать истинную причину моего поступления.

Они еще перекидываются парой слов, затем прощаемся, я подаю документы сотруднице. Она проверяет бумаги, ставит печати, что-то отмечает. Всё происходит быстро, почти буднично.

— Поздравляю, — говорит она. — Вы в списках абитуриентов.

— Точно?, - переживаю я.

— Даже не сомневайтесь. У вас высокий балл, считайте что уже поступили.

Мы выходим обратно на солнце. Папа кладёт руку мне на плечо:

— Горжусь тобой.

— Спасибо, пап.

Я говорю это искренне. Этот университет правда хороший. И специальность интересная. И всё логично, разумно, правильно.

Только внутри тихо шепчет другая причина — та, о которой никто не знает.

Здесь Макс. И я остаюсь.

Мы садимся в машину и город медленно проплывает за окнами. Лето, начало июня, воздух тёплый, пахнет асфальтом и цветущими деревьями. Я держу телефон в руках, перелистываю экран и вижу, что пришло новое сообщение.

Кирилл.

«Привет. Как подача документов?»

Я улыбаюсь, набирая ответ: «Всё прошло. Легко и быстро, можно сказать, что формальность.»

Он отвечает почти мгновенно: «Молодец. Должна быть довольна собой. А то вдруг расстроишься, и я буду переживать.»

Я фыркаю. Забавно, как он волнуется, хотя видим мы друг друга не так уж часто.

«Не переживай, всё нормально. Даже интересно. А ты как?»

«Всё по-старому. Дом, тренировки... скучно без твоих историй. Может плюнешь и поедешь со мной в Швецию? Ты умная, Алина, на каникулах подтянешь английский и все будет хорошо. Ты с лёгкостью поступишь»

«Нет, спасибо. Я буду учиться здесь»

«Жаль. Я буду скучать по тебе. Если передумаешь, буду рад помочь»

Я улыбаюсь сильнее, прикрывая телефон рукой. Его лёгкая забота, несмотря на расстояние и нашу непривычную близость, как всегда немного греет.

— Всё в порядке? — спрашивает папа, глядя на меня с боку.

— Да, — отвечаю, пряча телефон в сумку. — Просто переписка.

В голове тихо мелькают мысли: хорошо, что поступила здесь, в своём городе. Здесь можно быть рядом с привыч-

ным, с тем, кто важен. С тем, кто занимает мысли и сердце больше, чем это правильно.

Машина мягко катит по улицам, шум города смешивается с голосом радио, а я всё ещё улыбаюсь и тихо проверяю экран: Кирилл снова написал.

«Буду ждать твоих историй вечером. Не забывай про прогулку.»

Я слегка смеюсь, отвечаю коротко, но с теплом: «Не забуду.»

И снова смотрю в окно, на улицы, дома, на знакомый двор. Папа высаживает меня возле дома Вики, а сам уезжает на работу.

Вика уже ждёт, держит сумку за плечо и чуть улыбается, будто знает что-то, чего я сама ещё не до конца понимаю.

— Привет, ну что? Все хорошо?

—Привет. Да приняли документы. Сказали что я уже зачислена.

.— Поздравляю. Ты умница. Я только на днях буду подавать. Мне еще не все справки сделали.

Вика молодец. Вот кто упорно идет к своей мечте. Она давно готовилась к поступлению на психолога и кто-кто, а Вика точно поступит.

— Ну что, Алина, как вчера добиралась? — сразу начинает она, и в голосе слышится едва сдерживаемое любопытство.

— Макс подвез, — говорю, стараясь не выдать, как сердце

немного подскочило при этих словах. — На мотоцикле. Всё аккуратно, безопасно... и ветер, и смех, когда дорога кривилась...

Вика хихикает, глаза её блестят.

— Ну, вот видишь! Я знала! — Она слегка толкает меня в плечо. — Всё это твои мысли о нём — уже не просто «друг», пора действовать, принцесса.

Я морщу нос, смущённо улыбаюсь.

— Вика, хватит уже. Это просто поездка. Не драматизируй.

— Просто поездка? — перескакивает она, делая шаг вперёд. — Ты только что говорила, как ветер рвал волосы, как он смеялся, когда дорога кривилась... Прямо так и светилась вся!

Я стараюсь скрыть улыбку, но она её видит.

— Ладно, ладно... — шепчу я. — Но это было всего лишь... момент.

— Момент! — Вика машет руками, будто разгоняя мои сомнения. — Я знаю, что ты влюблена, и всё остальное — это уже детали. Слушай, хватит теряться, хватит думать! Время действовать!

Я качаю головой, смущённая, но внутри ощущаю тепло от её слов. Её уверенность подбадривает, как будто толчок в правильном направлении.

— А как Костя? — спрашиваю, меняя тему, чуть улыбаясь.

— О, его довели, — говорит Вика, чуть помедлив. — Хорошо Ян помог, я бы этого бугая точно не дотащила бы. Костя весь день в состоянии «ужасное похмелье», но дома благополучно.

Мы смеёмся, идём дальше по улице. В воздухе пахнет летом, асфальт ещё горячий, лёгкий ветер играет с волосами.

— Так, — говорит Вика, глядя на меня решительно. — Пора показать, что ты не просто мечтаешь, а делаешь.

Я снова глубоко вздыхаю.

— Сейчас лето, уйма свободного времени, вы живете в одном подъезде. У тебя все шансы. Позови его куда-нибудь, попроси сделать что-нибудь, отремонтировать. - с напором тараторит Вика.

— Ага, я когда вижу его, то все забываю. Руки трясутся и голос срывается. Да и толку что мы живем в одном подъезде. Он либо на учебе, либо на работе, либо катается где-то. Видимся редко и то в компании.

— А я тебе еще раз говорю - лето, каникулы, много свободного времени. Ты же теперь не сидишь вечерами за учебниками. Так что Алина, вдохни, возьми себя в руки и действуй!

Я киваю, сердце стучит быстрее. С Викторией рядом кажется, что всё возможно.

Мы заходим в кафе. Болтаем еще немного о всяком разном. Смеемся. Затем целуем щеки и прощаемся.

Я иду по улице, сумка чуть сдавливает плечо, а мысли

словно вырвались из-под контроля. Всё, что было вчера, не выходит из головы: как он одевает мне шлем, как садится на мотоцикл, лёгкое напряжение его рук, ветер, смех, когда дорога кривилась... Сердце бьётся быстрее, а мозг словно застрял в этих маленьких, но таких настоящих деталях.

Почему именно он? Я много раз прокручивала это в голове. Он же друг, сосед, и вроде бы всегда был рядом, но как будто только вчера я впервые заметила, что он может быть другим — сильным, уверенным, дерзким, даже немножко опасным. И это одновременно пугает и восхищает.

Я вспоминаю каждый изгиб его плеч, каждую лёгкую усмешку, когда он шутит с друзьями. Даже простое его движение — поворот головы, взгляд на улицу — заставляет внутри что-то дрожать.

Смешно, что раньше я и не думала о нём так. Он был просто частью компании, привычным соседом. А теперь каждая его фраза, каждый жест — как маленький магнит.

Я понимаю, что мои мысли скользят дальше: что он чувствует? Заметил ли он, что я... особенная для него? Или я всё это только себе придумываю?

Стараюсь отвлечься, но не получается. Лето, июнь, тепло, солнце, а я шагаю по улице и думаю только о нём. Смешно, как всё в голове переплетено: смех друзей, шум машин, запах асфальта ... и Макс.

Кажется, что весь мир вокруг исчезает, остаётся только он и я.

Дом уже виднеется за углом улицы, знакомый подъезд, лавочки у крыльца, маленькие клумбы с цветами. Воздух тёплый и чуть влажный. Я шагаю медленно, ноги сами несут меня домой, но взгляд случайно зацепляется за фигуру на лавочке у подъезда.

Макс.

Он сидит, слегка согнувшись, курит, телефон в руках. Ветер играет с его волосами, лёгкая тень от лампы ложится на плечи. Я замедляю шаг, сердце начинает биться быстрее, но стараюсь вести себя спокойно, будто не замечаю. Он поднимает глаза, встречает мой взгляд.

— Привет, — кивает он, лёгкая улыбка появляется на губах.

— Привет, — отвечаю тихо, слегка улыбаясь. — Как день?

— Нормально, — коротко. Дела, друзья, всё как всегда. И всё же взгляд задерживается на мне чуть дольше обычного. - Когда студенткой будешь?

— Уже. Сегодня сдала документы. Прияли - улыбаюсь я.

— Молодец, - улыбается он в ответ, - другого исхода не могло и быть.

Я улыбаюсь, Макс снова возвращается к телефону. Прохожу мимо, но что-то внутри шепчет: остановись. Медленно делаю шаг назад, собираюсь с мыслями. Смелость вроде есть, а сердце колотится. Вдыхаю, набираюсь смелости.

— Слушай... — начинаю, глотая комок в горле, — может, сходим в кино?

Он не отрывает глаза от телефона, но при этом внимательно слушает.

— Да, давай, — отвечает спокойно, почти как будто это естественно. — Давно не были.

Я улыбаюсь, чувство лёгкого тепла растекается по груди.

— Отлично, тогда давай завтра, часов в двенадцать.

— Угу, — кивает, делает затяжку сигареты, взгляд снова улетает куда-то вдаль, так же увлечённо печатая в телефоне.

Я разворачиваюсь и иду в подъезд, сердце всё ещё бьётся быстрее, чем обычно. Лёгкий ветер играет с волосами, и на мгновение кажется, что мир вокруг исчезает, остаётся только мы с ним и это чувство, что лето только начинается, а впереди — новые встречи, смех и, возможно, что-то совсем необычное.

Я оглядываюсь через плечо, он слегка улыбается в ответ, и внутри тихо шепчет: «Это только начало».

Глава 5

Алина

Я стою перед шкафом, перебираю платья одно за другим, но ни одно не кажется правильным. День почти разгорается, а я должна выглядеть... идеально. Сердце слегка подскакивает при мысли о том, что сегодня вечером Макс может меня заметить. Не как подругу, не как соседку, а... иначе.

— Алина, тебе что-то нужно? — спрашивает мама, заглядывая через плечо. Я быстро прячу платье за спину.

— Нет, просто... выбираю, — отвечаю, и голос дрожит чуть больше, чем хотелось бы.

Вика вчера уже напомнила мне, что хватит терзать себя и нужно действовать, но сегодня... сегодня всё иначе. Я осторожно вытаскиваю белое платье с лёгким шифоном. Оно не слишком открытое, но достаточно, чтобы подчеркнуть талию и изгибы, которые я сама недавно заметила. Лёгкий холодок пробегает по спине, когда пальцы скользят по ткани.

Я примеряю, верчусь перед зеркалом, смотрю, как солнце падает на плечи. Волосы слегка развиваются от лёгкого ветерка из окна, я поправляю локон за ухом, и сердце вдруг бьётся сильнее. Каждый взгляд на себя в зеркале — как внутренний разговор с собой. Смогу ли я быть такой, какой хочу?

— Макияж, — напоминаю себе. Сажусь за стол, кисти

рассыпаны по поверхности. Лёгкая пудра, тени, блеск для губ. Делаю всё аккуратно, но с дрожью в руках. Чувствую, как каждая деталь, каждый штрих — это не просто косметика, а защита, способ показать миру, что я могу быть другой, быть заметной.

Пальцы слегка дрожат, когда наношу румянец. Смотрю в зеркало и вижу не только себя, но и отражение мыслей: Макс. Его смех на мотоцикле, когда ветер рвал волосы, его взгляд, когда мы ехали домой. И внутри меня что-то тихо и одновременно громко кричит — хочу, чтобы он заметил. Не просто видел, а увидел.

Время идёт, я ещё раз поправляю платье, наклоняюсь, чтобы проверить обувь, ощущаю лёгкое возбуждение от предвкушения вечера. Каждый шаг — это маленькая подготовка, каждое движение — часть игры, которую играю только я.

— Готова, — шепчу себе, когда наконец смотрю в зеркало и вижу уверенную девушку, готовую к встрече с ним.

Но внутри всё ещё буря. Волнение, предвкушение, страх промахнуться, не понравиться, не быть собой и в то же время хотеть быть такой, какой он должен меня заметить.

Я делаю последний вздох, собираю сумку, проверяю телефон — всё на месте. Сердце стучит быстрее, когда представляю, как он будет стоять там, где мы встретимся. Кажется, что каждый шаг, каждая мелочь — важнее всего.

Собравшись, я делаю последний взгляд в зеркало. Воло-

сы, макияж, платье — всё готово. Но больше всего готово сердце, хотя оно и бьётся слишком громко, и мысли о нём кружат и мешают, и манят одновременно.

Я выхожу из комнаты, делая шаг за шагом к вечеру, к нему. И уже почти слышу, как лето вокруг шепчет, что сегодня может случиться что-то особенное, чего я ждала так долго.

Я стою у входа в кинотеатр, лёгкий ветер играет с волосами, руки нервно цепляются за сумку. Июнь, свет ещё мягкий, но уже ощущается жар. Сердце бьётся чаще, чем обычно, и я ловлю себя на мысли, что вся эта сцена для меня важнее, чем фильм, на который мы идём.

Город шумит вокруг: редкие прохожие, шуршание шин, запах свежего асфальта и цветущих деревьев. Я ищу глазами улицу, пытаюсь увидеть знакомую фигуру. Кажется, каждый прохожий может оказаться им, но нет.

Я напоминаю себе, что пригласила его не просто так. Да, кино — предлог, но внутри тихо трепещет ожидание. Что он скажет, как посмотрит, улыбнётся ли мне своим обычным лёгким взглядом, который так легко сводит с ума.

— Алина, — мысленно шепчу я себе, — держись, всё будет нормально.

Каждая минута тянется, каждая тень кажется длиннее. И всё же, стоя здесь, я ощущаю тепло внутри — предвкушение, волнение, радость от мысли, что он придёт. Что мы снова окажемся рядом, пусть на мгновение, и что лето только на-

чинается.

Я едва успеваю моргнуть, когда вижу его — Макс идёт ко мне. Идет свободной походкой. На нем темная футболка, джинсы обволакивают крепкие ноги. Кожа смуглая и кажется отражает солнечный свет. Идет улыбается. Такой весь красивый. Но... он не один.

За спиной шумная компания друзей: Вика, Костя, Ян, Мира — все смеются, шутят, словно мы идём на обычную встречу, а не на что-то, что для меня лично так важно.

Сердце сжимается, и я замираю. Я ведь приглашала его... одного.

Они идут, а я стою, словно вкопанная. Внутри - смесь растерянности, легкого ужаса и почти сладкой дрожи.

— О, Алинка! — слышу голос Кости, который уже рядом. — А ты... ты классно выглядишь!

Я смущённо улыбаюсь, немного опускаю глаза, пытаюсь поправить платье.

— Да, спасибо... ну, просто решила так... — говорю я, словно всё это было задумано заранее.

— Ну, так и должно быть! — добавляет он, довольный собой. — Я вообще думал, что ты всегда будешь так сиять, но сегодня... прям вау!

Костя не скрывает глаз: он оценивает мой наряд, осматривает с легким любопытством. Сердце колотится сильнее, а внутри легкая дрожь. Все вокруг смеются, но я ловлю взгляд Макса. Он идёт немного вперёд, уверенно, но глаза задер-

живаются на мне. Легкий шок, но и что-то теплое, почти тихое восхищение. Лёгкая улыбка, будто он только что заметил, что я изменилась. Волосы, платье, то, как я старалась выглядеть... он видит всё, и это волнует меня сильнее любого комплимента.

Я делаю глубокий вдох, стараюсь выпрямить плечи.

— Привет, — вырывается тихо, но с легким трепетом.

— Привет, — отвечает он, голос ровный, но взгляд задержан на мне. — Ты... ты прекрасно выглядишь.

Я ловлю себя на неловкой улыбке и том, что всё внутри дрожит. Пытаюсь сделать вид, что так и было задумано, будто я всегда так уверена и спокойно захватываю внимание.

— Спасибо, — тихо шепчу я себе, но сердце уже пульсирует так, что кажется, его слышат все вокруг.

Вика стоит рядом, взгляд слегка приподнят, но ничего не говорит. Она округляет свои глаза, слегка улыбается и медленно переводит взгляд с меня на Макса, затем обратно. Мой личный психолог догадывается о моем тотальном провале и что я планировала все не так, но решает держать молчание, как всегда: наблюдать и ждать. Я ощущаю ее присутствие и это дает немного опоры, чтобы не расплакаться тут на месте, но не спасает от того, что лицо горит. Она слегка толкает меня в плечо, молчание её как всегда говорит больше слов: «Держись».

Мы подходим к кассе, билеты уже напечатаны заранее, но я всё равно нервничаю. Руки слегка дрожат, когда отдаю

деньги, ловлю взгляд кассира — смешно, но внутри словно маленькая буря. Макс рядом, рядом со всеми друзьями, но я ощущаю его присутствие сильнее, чем кого-либо другого.

— Алина, ты уверена, что всё нормально? — шепчет Вика, слегка толкая меня в бок. Я киваю, пытаюсь улыбнуться.

Костя, как всегда прямолинейно, улыбается:

— Не переживай, Алинка, ты сияешь даже в очереди за билетами.

Я краснею, прячу взгляд, но сердце бьётся так, что кажется, его слышно через зал. Макс слегка улыбается, но я не уверена, что он понимает, как сильно я напряжена.

Наконец билеты в руках, мы идём в зал. Тёплый полумрак, запах свежего попкорна, лёгкая тёплая влажность воздуха — всё вокруг кажется настоящим, но при этом каждое движение, каждое дыхание — словно важный ритуал.

Я выбираю место у прохода, чтобы видеть всех, но больше всего — его. Макс садится рядом с Костей, но взгляд его несколько раз ищет меня. И это чувство — словно маленькое электричество, которое щекочет кожу, заставляет сердце прыгать и не даёт дышать спокойно.

— Сядем, — шепчет Вика, подталкивая меня, и я крадусь на своё место.

Заняв кресло, я стараюсь расслабиться, но в голове всё ещё буря: как он выглядит, как держится, какие мысли крутятся в его голове. И даже шум друзей вокруг не глушит внутреннего напряжения.

Экран передо мной, свет приглушённый, и каждый кадр фильма кажется второстепенным. Мои мысли — совсем о другом. Я ловлю каждое движение Макса, хотя он сидит с друзьями, смеётся, комментирует шутки. Я бы хотела, чтобы он заметил меня именно сейчас, чтобы просто посмотрел сюда, и чтобы всё это напряжение выдохлось в один взгляд.

Вика рядом, тихо сидит, иногда подталкивает меня плечом, но молчит. Я не могу отвлечься. Сердце стучит так громко, что кажется, его слышат все вокруг. Я ощущаю жар на щеках, лёгкое дрожание рук, и одновременно странное возбуждение, которое я ещё не умею контролировать.

И тут, словно молния, обрушиваются мысли: я позвала его только для себя, а он пришёл с друзьями. Это должно было быть... особенным. Только мы. А теперь... весь этот вечер рушится в голове. Глаза слезятся, но я сдерживаю их — нельзя показать слабость, нельзя, чтобы кто-то понял, как я растеряна.

Костя смеётся, шутит про попкорн, кто-то из парней рядом бьёт шутку, а я слышу только себя, своё сердце, которое не успевает биться в такт. И внутри — крик: «Почему всё так? Почему это происходит не так, как я хотела?»

Я ощущаю странное тепло в груди, смешанное с обидой, с тревогой и с тем сладким, почти болезненным желанием, которое невозможно назвать словами. Макс смеётся, делает лёгкий жест рукой, и в голове возникает хаос: я хочу быть рядом, хочу, чтобы он обратил свое внимание только на меня, а од-

новременно боюсь, что этот вечер уже ускользнул.

Вся моя вселенная — он. Почему он здесь не один? Почему пришёл с ними, а не со мной, как я просила? Моя улыбка застывает, а внутри — ураган. Я хотела этот вечер только для нас, хотела, чтобы он посмотрел на меня одним взглядом, и чтобы всё это напряжение растворилось. А теперь оно давит, ломает, и я чувствую себя маленькой, несмелой, и одновременно каждый нерв пульсирует от желания.

Костя шепчет рядом: «Алинка, ты классно выглядишь... прямо вау». Я неловко улыбаюсь, слегка опускаю глаза, пытаюсь сделать вид, что всё это буднично. Но внутри — пожар, дрожь, желание, тревога и обида одновременно.

Я ловлю взгляд Макса. Он замечает меня. Лёгкая улыбка, напряжение, что-то тёплое, почти болезненно сладкое.

Каждое движение его руки, каждый смех друга — словно удары в моё сердце. Я дышу, пытаюсь сосредоточиться, но дрожь в теле не уходит.

Складывается ощущение внутреннего обвала: всё, что я планировала, мои ожидания, мечты о его внимании — словно хрупкое стекло, разбитое на мелкие осколки. И я тихо шепчу себе: «Дыши... держись... всё ещё может быть иначе...» Но внутри всё пульсирует, кипит.

Я тихо выскакиваю из кресла, стараясь не привлекать внимания, и иду в сторону туалета. Кажется, что каждый шаг — это маленькая борьба с самой собой. Сердце стучит, руки дрожат, и я чувствую, как ком обиды поднимается в груди,

почти не давая дышать.

В туалете я включаю кран, холодная вода бежит по ладоням, и я обхватываю лицо руками, пытаюсь успокоиться. Губа дрожит, глаза влажные. Обида и растерянность смешались с ощущением неловкой сладости — странного чувства, что сердце будто хочет прыгнуть из груди, но боится сделать шаг. Я смотрю на отражение в зеркале и понимаю: оно меня обманывает. Я стараюсь улыбнуться себе, но дрожь не уходит.

— Ты только его приглашала? — слышу знакомый голос позади. Вика вошла, тихо прикрыв за собой дверь, в голосе слышится мягкая забота.

Я смотрю в пол не в силах вымолвить ни слова, лишь поджимаю губы. Я хочу ей ответить, но если открою рот то наружу выльется поток слез.

— Вот дурак... — она чуть улыбается, словно сама смеётся над ситуацией, но без злобы.

Я вздыхаю, опускаю руки, пытаюсь собрать мысли. Вика подходит ближе, кладёт руку на моё плечо, затем слегка приобнимает.

— Алина, видимо Макс просто не понял, что ты хотела именно его пригласить, — говорит она спокойно. — Иногда парни такие... прям не видят очевидного. Как ты его позвала? Надо было прям в лоб. А то он вчера расписал в чате, что «Алина предложила всем в кино пойти». И я, тупая, не догадалась.

Я слегка киваю, смущение и обида ещё тлеют внутри, но тепло её прикосновения немного успокаивает. Мы стоим рядом, и я ловлю себя на мысли, что это доверие и понимание подруги значат почти так же, как тот вечер, который я так ждала.

— Спасибо, Вика, — выдыхаю я. — Прости, что так расстроилась.

— Не за что, — улыбается она. — Теперь только расслабься. Выше нос, все будет хорошо. Давай вернёмся, фильм ещё идёт. А ты... ты просто будь собой.

Я киваю, делаю глубокий вдох и вытираю глаза. Губа всё ещё дрожит, но дрожь постепенно превращается в решимость. Но как только представляю, что сейчас вернусь в зал и увижу там Макса не одного, волна обиды снова накатывает на меня.

Мой телефон тихо вибрирует в сумке. Имя на дисплее заставляет сердце пропустить удар — Кирилл. Я чуть сжимаю телефон в руках, грудь снова сжимается от обиды и лёгкой паники.

«Привет», — пишет он.

«Привет» - пишу в ответ.

«Как твои дела? Не перегрузилась еще?»

«Нет, не перегрузилась...»

Я замираю. В голове снова мелькают сцены: Макс рядом с друзьями, его взгляд, его улыбка, Костя, который смеется и говорил что-то неуместное, а я краснею. У меня нет жела-

ния видеть лицо Макса. Нет сил сидеть и претворяться перед друзьями, что все нормально. Хочу сбежать. Вика ждет меня, взявшись за ручку двери. А я и шага сделать не могу.

Пальцы дрожат, но я быстро печатаю, пока не передумала: «Слушай, можешь... забрать меня после кино? Я... просто не хочу идти обратно к ним».

Его ответ приходит почти мгновенно:

«Конечно, во сколько? Где тебя забрать?»

Я прочла и снова посмотрела на экран, будто бы надеялась, что он напишет что-то другое. Но нет, это предложение — простой, тихий мостик к спасению от собственного смятения.

«Через десять минут у входа в зал»

Глава 6

Макс

Экран вспыхивает очередным взрывом. Народ в зале дёргается, кто-то ржёт. Костя рядом шепчет какую-то фигню, но я его не слушаю.

Потому что замечаю движение сбоку.

Дверь зала тихо открывается. Узкая полоска света режет темноту. Я автоматически смотрю туда — и вижу Вику. Одну.

Она быстро проскальзывает внутрь, будто опоздала на урок. Садится на своё место. Не смеётся. Не тянется к попкорну. Просто устраивается и смотрит вперёд. Одна.

Я хмурюсь.

Алина где?

Мысль приходит спокойно. Просто факт. Как заметить, что лампочка перегорела.

Я снова перевожу взгляд на экран. Машины гоняют. Музыка орёт. А у меня внимание уже не там.

Внутри что-то неприятно царапает.

Я снова смотрю на Вику. Та чуть наклоняется вперёд, будто кого-то ждёт. Пальцами край сиденья трогает. Нервничает?

Странно. Алина же с ней вышла. И не вернулась.

Я чешу большим пальцем подбородок. Челюсть сама сжимается. Неосознанно.

Да пофиг вообще. В туалет пошла. Вернётся. Логично.

Но почему тогда Вика вернулась, а она — нет?

В груди лёгкий толчок. Раздражающий. Как когда в ботинок песчинка попала — идти можно, но бесит.

Я наклоняюсь чуть вперёд, смотрю на проход. Темно. Пусто. Никого.

Фильм орёт. Люди вокруг уставились в экран. Один я плююсь на дверь, как идиот.

— Чё ты крутишься? — шепчет Костя.

— Да ничё.

Сажусь ровно. Скрещиваю руки. Типа смотрю кино.

Секунда. Две. Не выдерживаю — снова взгляд на Вику.

Она губу прикусила. Глаза в экран. Но не смотрит. Думает о чём-то. Значит что-то случилось. И вот это мне уже не нравится. Совсем.

Я шумно выдыхаю через нос.

— Блин... — тихо бормочу.

Сам не понимаю, с какого хрена меня вообще волнует, где она. Но волнует. И это бесит сильнее всего.

Наконец главный злодей повержен и мускулистый грязный главный герой несет спасённую девушку под взрывы машин и серены полиции. Свет вспыхивает, будто кто-то щёлкнул выключателем прямо в голове. Зал оживает сразу — кресла хлопают, люди встают, кто-то обсуждает концовку,

кто-то ищет попкорн под ногами.

Я поднимаюсь последним. Автоматически оглядываюсь.

Алины нет.

Сначала даже не понимаю. Просто скольжу взглядом по ряду — Костя, Вика, два парня с задних мест... пусто. Там, где она сидела, только примятая спинка кресла.

Что-то внутри тихо настораживается.

— Стоп, — хмурится Костя, тоже оглядываясь. — А где Алина?

— Точно, — подхватывает Мира. — Она же впереди сидела.

Все поворачиваются к Вике.

Она спокойно поправляет волосы, будто вообще ничего особенного.

— Её Кирилл забрал.

Пауза.

— Чё? — усмехается Костя. — В смысле забрал? На лошади подъехал?

Ребята тихо ржут.

— Ну почти, — пожимает плечами Вика. — Написал, позвал — она вышла. Всё.

— О-о-о, — тянет Ян. — Свидание, значит.

— Кирюха не теряется, — поддакивает Костя. — Красавчик.

Смешки. Обычные, дружеские, ни о чём.

А у меня внутри как будто гайку закручивают.

Я стою молча. Смотрю в проход. Уже пустой.

Значит ушла. Не сказала. Даже не глянула. Нормально. Ладно. Мне то какая разница.

— Ну он давно вокруг неё трётся, — продолжает Костя.
— Логично вообще-то.

— Ага, — лениво добавляет Вика и вдруг переводит взгляд на меня. И говорит лично мне — Кстати... она вообще-то звала в кино только тебя.

Секунда. Будто воздух стал плотнее.

— В смысле? — спрашиваю.

— В прямом, Макс, — спокойно отвечает она. — Она позвала именно тебя. Про остальных речи не шло.

Тишина в голове. Снаружи всё ещё шумят люди, смеются, проходят мимо. Я усмехаюсь. Криво.

Ребята опять смеются. А мне не смешно. Совсем. В груди неприятно тянет — будто кто-то ногтем провёл изнутри.

Она звала только меня.

И всё равно ушла с другим.

Я засовываю руки в карманы, чтобы никто не видел, как сжимаются пальцы.

Чёт не нравится мне этот Кирилл. С какого хрена вообще какой-то Кирилл ее куда-то забирает? И с какого хрена меня это цепляет? Я сжимаю зубы. Бесит.

Ну и задачку мне подкинула Вика, чертов психолог. Ходи и разгадывай что у девчонок на уме и что этим приглашением она хотела сказать. Вика больше ничего не говорит, бол-

тает со всеми как ни в чем не бывало. И я ничего не спрашиваю.

Мы еще гуляем по городу. Потом провожаем девчонок до дома. Решаем немного постоять у меня.

Ночь теплая. Воздух густой, как будто его можно пить, а не дышать. Асфальт еще держит дневное тепло, от него поднимается слабый запах пыли и нагретого камня. Где-то орет музыка, машина проезжает медленно, басами трясет двор.

Я курю. Третью подряд.

Костя косится.

— Ты че сегодня как паравоз?

— Хочу и курю,- голос выходит резче, чем планировал.

Он поднимает ладони.

— Да ладно, псих. Я ж просто спросил.

Я делаю затяжку глубже обычного. Дым жжет легкие и это даже приятно - как будто внутри есть хоть какое-то объяснимое ощущение. В отличие от остального.

Ян лениво пинает камешек носком кроссовка.

— Фильм норм был, ксати. Хорошо, что сходили.

— Угу, - говорю.

— Концовка только тупая.

— Угу.

Он прищуривается.

— Ты его вообще смотрел?

Я перевожу взгляд.

— А надо было?

— Ну обычно люди так делают в кино.

— Я не люди.

— Это заметно, - хмыкает Костя.

Я втягиваю дым, держу во рту дольше, чем нужно. В голове крутится одно и то же - пустое кресло рядом. И то, как Вика сказала: «ее Кирилл забрал». Забрал. Слово дурацкое. Будто вещь. Будто можно подойти и забрать.

Я резко стряхиваю пепел.

— Сигареты есть еще? - спрашиваю.

— Ты же только что достал пачку, - говорит Ян.

— Закончились.

Он смотрит на мой карман, где торчит почти полная. Молчит секунду.

— Ты норм вообще?

— Абсолютно. - раздражаюсь я.

— Да че ты заводишься, - встревает Костя - никто же на тебя не наезжает.

Я не сразу понимаю, что сжал сигарету так, что фильтр смялся.

Черт.

Разжимаю пальцы.

— Никто не заводится. - психую только сильнее.

— Макс, - спокойно говорит он, - ты сейчас разговариваешь тоном человека, который уже мысленно кого-то закопал.

Я усмехаюсь.

— Может и закопал.

— Кого? - интересуется Костя.

— Тебя, если не заткнешся. - пытаюсь пошутить.

Ян тихо смеется.

— Во, это уже наш Макс. А то стоял как статуя.

Я пожимаю плечом.

— Задумался просто.

— О чем?

— Ни о чем.

Они переглядываются - коротко, без подтекста. Они знают меня давно и привыкли к моим закидонам.

Костя опирается о перила.

— Ладно, философ, давай колись. Что за приступ агрессии? Кто бесит?

Я пожимаю плечом.

— Да никто. Просто настроение такое.

— ПМС? - невозмутимо спрашивает Ян.

Я смотрю на него. Он держится серьезно ровно секунду - потом ржет. Я толкаю его плечом.

— Иди нафиг.

— Все-все, молчу, - он поднимает руки. - Не злись, тигр.

Слово цепляет. Тигр. В груди снова дергается то самое чувство - резкое, колючее. Будто внутри кто-то скребется. Спокойная ночь. Почему тогда внутри не спокойно?

— Слышь, - говорит Костя мягче, - если че-то случилось, скажи. Может чем-то помочь надо?

— Да ничего не случилось.

И это правда. Фактически ничего. Никто не умер. Никто не поспорил. Никто не наехал. День как день. Вечер как вечер. Просто...

Я резко тушу сигарету о бетон.

— Просто бесит все, - говорю.

— Ладно, - кивает Ян, - тогда диагноз - Максу скучно жить.

— Не скучно.

— Значит энергия лишняя.

— Возможно. - это предположение мне нравится куда больше.

— Тогда пошли завтра на коробку, - предлагает Костя. - Побегает, мяч погоняем, может попустит.

Я киваю.

— Можно.

Он хлопает меня по плечу.

— Вот и отлично. А то ты когда такой... напряженный - рядом стоять опасно.

Я криво улыбаюсь.

Если бы он знал, из-за чего на самом деле напряженный. Хотя нет. Не из-за чего. Из-за кого. Я тут же обрываю мысль. Нет. Не начинай.

Девчонки - это просто девчонки. Весело, легко, без заморочек. Сегодня одна, завтра другая. Никаких обещаний, никаких «почему не писал», никаких «где ты был». Жизнь без поводка. Жил же так. И нормально же было.

А тут картинка перед глазами - она стоит у кинотеатра. В этом своем платье, как его там, белом. Ноги длинные. Худенькая вся. Губы блестят. Я, когда к кассе в очередь шли, только за этими ногами и шел на поводу.

«Она вообще звала только тебя». Только тебя. Только. Меня.

В груди что-то дергается. Резко. Неприятно. Будто кто-то ходит тяжелыми шагами. Туда-сюда. Туда-сюда.

Фары выныривают из-за поворота неожиданно — белые, резкие, режут двор пополам. Машина катится медленно, как будто специально растягивает момент. Я сначала не всматриваюсь. Просто ещё один поздний водитель, мало ли.

Но потом сердце делает странный толчок.

Чёрт.

Я узнаю её раньше, чем понимаю почему. Силуэт. Посадка. Манера тормозить — плавно, уверенно, будто дорога его личная собственность.

Желудок неприятно сводит.

— О, тачка подъехала, — лениво говорит Ян.

Машина останавливается прямо у тротуара возле нашего подъезда. Двигатель не глушат. Свет фар бьёт нам в ноги.

Пассажирская дверь открывается. И выходит она.

На секунду мне кажется, что воздух густеет. Всё вокруг будто притормаживает — звук шин где-то вдали, шорох листвы, даже дыхание в груди.

Алина видит нас сразу. Ее плечо замирает на долю секун-

ды. Потом Алина идёт дальше. Просто идёт — ровно, спокойно, как будто мы здесь не стоим. Как будто нас вообще нет. Демонстративно. Слишком демонстративно.

Она останавливается у машины, наклоняется к окну водителя. Локти на двери. Волосы падают вперёд. Голос тихий, я слов не слышу, но вижу выражение лица — мягкое, тёплое.

Улыбается. Ему. Не нам.

Внутри что-то резко скребёт.

Кирилл выходит. Спокойно, неторопливо. Как человек, который уверен в себе настолько, что не нуждается ни в спешке, ни в лишних жестах. Высокий, аккуратный, рубашка расстёгнута на пару пуговиц, рукава закатаны.

Он смотрит на Алину — не мельком. Внимательно. Будто она единственное, что сейчас существует.

— Спасибо, что подвёз, — слышу её голос. Тёплый. Почти нежный.

Она говорит это так, словно хочет, чтобы мы услышали.

Он отвечает что-то тихо. Уголок его губ чуть поднимается. Потом он легко касается её локтя — жест короткий, но слишком естественный. Слишком привычный.

У меня в груди резко становится тесно.

Кирилл переводит взгляд на нас. Оценивает быстро. Просто фиксирует.

Подходит.

— Парни, вечер добрый.

Голос ровный, спокойный. Уверенный. Протягивает ру-

ку Яну. Тот жмет. Потом Косте. Рукопожатие крепкое, мужское.

Он поворачивается ко мне. Смотрит прямо. Я смотрю в ответ. Секунда. Две. Он протягивает руку. Я жму.

Ладонь у него тёплая. Сильная. Давление ровное — ни демонстративное, ни слабое. И именно это бесит больше всего.

Кирилл отпускает. Кивает.

Он ещё раз смотрит на Алину.

— Напиши, как зайдёшь.

Она кивает.

— Конечно.

Тихо. Мягко. Почти ласково.

Он улыбается ей — уже иначе. Не как знакомой. Как своей.

Они приобнимаются, целуют воздух возле щек, или куда там они попали.

Кирилл разворачивается, садится в машину, закрывает дверь. Алина скрывается за дверью подъезда. Двигатель урчит громче. Машина трогается плавно и уезжает, растворяясь за углом.

Тишина. Две секунды. Три. И потом Ян протягивает:

— Ничего себе...

Костя тихо присвистывает.

— Алинка-то выросла.

Я молчу.

Они переглядываются.

— Жених у неё, конечно... солидный, — продолжает Ян.

— Видали? Манеры, тачка, рубашечка...

— Да, — поддакивает Костя, — не наш уровень, братцы. Мы тут со своими сигаретами как гопота на фоне бизнес-класса.

Я чувствую, как внутри начинает подниматься знакомое горячее раздражение. Быстро. Без предупреждения.

— Повезло девчонке, — усмехается Ян. — Такой кавалер—

— Заткнись. - бросаю я агрессивно.

Слово вырывается резко. Жёстко. Громче, чем надо.

Они оба смотрят на меня.

— Макс, ты чё? — спокойно спрашивает Костя.

Я отвожу взгляд.

— Да так. Ничего.

— Ничего? — Ян приподнимает бровь. — Ты сейчас на нуле вскипел. Что такого сказали-то? Кирилл давно за Алиной приударял, это очевидно что что они сойдутся.

— Сказал же — ничего. - Голос уже холодный.

Они молчат секунду.

Я чувствую, как в груди бесится что-то тупое, тяжёлое. Неприятное. Будто меня ткнули пальцем в место, о существовании которого я сам не знал.

Костя вздыхает.

— Ладно, ладно. Спокойно. Мы ж просто прикалываемся.

— Прикалывайтесь молча.

— Ого, — тихо говорит Ян. — Понял. Режим бешеного пса включён.

Я сжимаю челюсть. Мне это не нравится. Совсем. Ни их слова. Ни её улыбка, которой она только что улыбалась ему. Ни то, как спокойно он стоял рядом с ней. Ни то, что всё это меня вообще задевает. Особенно последнее.

Глава 7

Алина

Музыка в машине тихая — мягкий бит, глухие басы, что-то иностранное, спокойное. Кирилл всегда включает такие треки, будто специально подбирает фон, в котором можно думать. Или в котором легче прятать мысли.

Я сижу рядом, смотрю в окно и делаю вид, что рассматриваю огни витрин. Они тянутся полосами, расплываются, как акварель. На самом деле я ничего не вижу. Перед глазами всё ещё зал кинотеатра. Его пустое кресло рядом. Его голос где-то позади. Его смех — не для меня.

— Что случилось? — спокойно спрашивает Кирилл.

Он не смотрит сразу. Только на секунду переводит взгляд с дороги. Этого достаточно. Он умеет замечать.

— Ничего, — отвечаю слишком быстро.

Он молчит.

Музыка играет дальше. Колёса мягко шуршат по асфальту.

— Алина, — говорит он чуть тише, — ты написала «забери меня». Обычно так не пишут, когда всё нормально.

Я закусываю губу. Чёрт. Надо было придумать что-то заранее. Что-то логичное. А не вот это — выскочила посреди фильма, как истеричка.

— Просто фильм скучный оказался, — пожимаю плечами. — И голова разболелась.

Ложь звучит гладко. Даже слишком. Я сама слышу, как она ложится ровно, без запинок.

Кирилл кивает.

Он не переспрашивает. Не давит. Не ловит на несостыковках. Он вообще никогда не давит. В этом его опасность — рядом с ним хочется говорить правду, даже когда не собирался.

— Понятно, — говорит он только.

Я отворачиваюсь к окну сильнее, чтобы он не видел выражение моего лица. Потому что внутри сейчас не «голова болит».

Внутри злость. Глупая. Детская. Колючая.

На Макса. И на себя ещё сильнее.

Идиотка. Ну конечно он пришёл с друзьями. Он же всегда с нами. Это его стая. Его мир. С чего я решила, что он вдруг придёт один? Что поймёт? Что догадается?

Щёки начинает жечь.

Я вспоминаю, как Костя сказал: «О, Алинка, ты классно выглядишь».

Как Макс посмотрел. Секунду. Всего секунду. Но посмотрел.

И всё. Больше ничего. Ни слова. Ни намёка. Будто я правда просто соседская девчонка, которую он знает сто лет.

Я сжимаю пальцы на колене.

Ну и ладно. Если ему всё равно — значит всё равно. Пусть смотрит. Пусть думает. Пусть вообще не думает. Я не буду на этом заикливаться.

Машина плавно тормозит на светофоре. Красный свет ложится на приборную панель и на мои руки.

— Точно всё нормально? — всё-таки спрашивает Кирилл.

Я поворачиваюсь к нему и улыбаюсь. Легко. Спокойно. Почти искренне.

— Конечно.

Он смотрит секунду. Будто проверяет. Потом мягко улыбается в ответ и включает поворотник.

А я отворачиваюсь обратно к окну — и мысленно злюсь. На Макса. Потому что это из-за него.

Музыка меняется на другую — ещё мягче, почти шёпотом. Кирилл переключает плейлист кончиками пальцев, не глядя. У него всё так — спокойно, точно, будто он заранее знает, что и когда нужно сделать. Даже повороты он проходит плавно, без рывков, как будто дорога сама подстраивается под него.

— Кофе хочешь? — спрашивает он между делом. — Тут рядом есть нормальное место.

— Можно, — отвечаю.

На самом деле мне всё равно. Кофе, чай, вода, воздух — без разницы. Я соглашаюсь просто потому, что он предложил. Потому что он хороший. Потому что с ним легко.

Кирилл сворачивает к небольшой кофейне с жёлтой вывеской, выходит первым, открывает мне дверь. Ладонью — аккуратно, не театрально. Просто привычный жест.

Я улыбаюсь.

Он всегда такой. Воспитанный. Внимательный. Правильный. Иногда кажется, что он родился уже взрослым.

Мы садимся у окна. Кирилл заказывает за нас обоих — вспомнил, что я люблю капучино без сахара. Я даже не удивляюсь. Кирилл вообще всё запоминает. Мелочи. Фразы. Настроение. Он умеет слушать — редкий талант среди парней.

— Ты сегодня красивая, — говорит он спокойно, как факт. — Очень.

Я чуть пожимаю плечами.

— Да ладно тебе.

— Я серьёзно.

Он смотрит прямо. Без намёков. Без липкости. Просто смотрит.

Я снова улыбаюсь. Тепло. Благодарно. Как другу.

Он всегда так говорит. Всем говорит. Он просто галантный. Просто воспитанный. Просто хороший парень. Не из тех, кто свистит вслед или раздевает глазами. Он другой. Спокойный. Надёжный. Удобный рядом.

— Ты сегодня тихая, — замечает он.

— Устала, наверное.

— Танцы вымотали?

— Наверное. Подготовка к конкурсу сильно выматывает.

Ложь снова ложится гладко. Даже не цепляется.

Он кивает, принимает ответ, не копает глубже. И это облегчает. С ним не нужно оправдываться. Не нужно объяснять. Можно просто быть — и он не будет лезть в голову.

Официант приносит кофе. Пар поднимается мягкими струйками. Я обхватываю чашку ладонями, грею пальцы.

И почему-то вспоминаю другие руки. Большие. Тёплые. Чуть шершавые. Как Макс держал руль мотоцикла. Как сжимал сигарету между пальцами. Как лениво поправлял волосы.

Я моргаю.

Вот опять. Да что со мной сегодня.

— О чём думаешь? — спрашивает Кирилл.

— О поступлении, — отвечаю автоматически.

Он чуть улыбается.

— Волнуешься?

— Немного.

— Ты поступишь, — говорит он уверенно. — Даже не сомневайся. Уже ведь поступила.

Он говорит это так спокойно, будто уже видел моё будущее и просто сообщает результат. В его голосе нет сомнений. И от этого внутри становится тепло. Приятно. Спокойно.

Хороший он. Правда хороший.

Я делаю глоток кофе. Пена остаётся на губах. Я машинально слизываю её кончиком языка — и в этот момент перед глазами всплывает взгляд Макса. Тот короткий. Быст-

рый. Когда он заметил, как я одета.

Горячо становится в груди.

Я отвожу глаза в окно.

— Если что, — тихо говорит Кирилл, — я могу помочь с документами за границей. У меня там знакомые.

Я киваю.

— Спасибо. Но извини. Я уже решила. Буду учиться здесь - улыбаюсь я.

Он не навязывается. Просто предлагает. Как всегда. И я думаю — какой он удобный человек. Рядом с ним не нужно напрягаться. Не нужно угадывать настроение. Не нужно ждать вспышек. Он ровный. Спокойный. Надёжный.

Не как Макс.

Я прикусываю губу.

Вот именно. Не как Макс.

И почему тогда я всё равно думаю о нём, а не о человеке, который сейчас сидит напротив и смотрит на меня так внимательно, будто я что-то важное?

Я делаю ещё глоток кофе.

Музыка тихо играет. Кирилл что-то рассказывает про университет за границей. Я слушаю. Киваю. Улыбаюсь.

И всё равно думаю — заметил ли Макс, что я ушла.

Мы гуляем по набережной до самого вечера. Вода тёмная, тяжёлая, на поверхности — блики фонарей. Люди медленно идут вдоль перил, кто-то смеётся, кто-то фотографируется. Кирилл рядом — не слишком близко, не слишком далеко.

Держит ритм шага под меня.

Он что-то рассказывает — про знакомых, про поездку, про какой-то проект. Я слушаю, иногда смеюсь. Он умеет говорить так, что рядом спокойно. Без давления. Без этого мужского «смотри, какой я». Он просто есть.

Иногда его рука касается моей — случайно, когда мы обходим людей. Тепло, аккуратно.

Я воспринимаю это как норму. Как воспитание. Как хорошее отношение друга. Он всегда такой — мягкий, внимательный, корректный.

Мы останавливаемся у воды. Я опираюсь на перила, смотрю на отражение огней. В голове всё равно другое лицо. Другие глаза.

Я злюсь на себя. Почему я думаю о нём? Он же даже не попытался ничего сказать. Ничего. Будто я правда просто соседка из подъезда. Приперся со всеми. Позвать всех он додумался, а одному придти нет. Дурак.

— Замёрзла? — спрашивает Кирилл.

— Немного. - поглаживаю я предплечья. Вечер летний, но у воды все равно прохладно.

Он снимает лёгкую куртку и набрасывает мне на плечи. Спокойно.

Я улыбаюсь.

— Спасибо.

Он смотрит так, будто это что-то большее. Но я не придаю значения. Он просто хороший. Просто заботливый.

Когда Кирилл везёт меня домой, уже темно. Музыка тихая. Я сижу на сиденье, немного прикрыв глаза. И просто расслабляюсь. Мне очень хорошо. Спокойно.

Свет фар режет двор. Машина останавливается. Я открываю дверь медленно. И вижу их.

У подъезда стоят трое. Макс, Ян, Костя.

Сердце делает короткий удар. Я ощущаю, как внутри поднимается упрямая, глупая волна.

Я не спешу. Выхожу, поправляю волосы. Знаю, что они смотрят. Макс — точно смотрит.

Я наклоняюсь к окну Кирилла.

— Спасибо, — говорю мягко. — Было правда хорошо.

Слышу, как мой голос становится теплее. Специально. Чуть тише.

Кирилл выходит, обходит машину, легко касается моего локтя.

— Рад, что ты поехала, — отвечает он.

Я улыбаюсь ему дольше, чем нужно. Чувствую спиной взгляды.

Пусть. Пусть видит. Пусть думает.

Кирилл здоровается с парнями. Рукопожатия. Спокойные фразы.

Я стою рядом, будто это естественно. Будто так и должно быть.

Когда он говорит: «Напиши, как зайдёшь», — я киваю.

— Конечно.

Тепло. Демонстративно. Мы приобнимаемся и чмокаемся на прощание. Кирилл, кажется, делает это слишком близко.

Потом разворачиваюсь и иду к подъезду. Просто уверенно. Не оглядываюсь. Хотя очень хочется. Но я не оглядываюсь. Пусть теперь он думает.

Дверь комнаты закрывается за моей спиной тихо. Щёлк — и мир снаружи остаётся в коридоре. Родители что-то смотрят в гостиной, а здесь — только я.

Я прислоняюсь к двери лопатками и медленно выдыхаю. Ну и день.

Подхожу к окну, отодвигаю штору. Во дворе всё ещё горит фонарь. Парни все еще стоят у подъезда.

Меня снова накрывает раздражение. Глупое. Нелогичное. Смешное.

Ну что ему стоило прийти одному? Или хотя бы сказать что-то? Хоть намёк. Хоть взгляд подольше. Я же не просила ничего сверхъестественного.

Я вспоминаю кино. Как он сидел. Как почти не смотрел на меня. Как делал вид, что фильм интереснее.

Я снимаю туфли, откидываю их в угол. Стягиваю платье через голову. Ткань мягко скользит по коже.

Подхожу к зеркалу. Смотрю на себя.

В комнате полумрак — только настольная лампа, да свет с улицы. Кожа кажется теплее, мягче. Волосы растрепались. Щёки всё ещё чуть розовые.

Я поворачиваюсь боком.

В голове — не я. Его взгляд. Тот короткий момент, когда он посмотрел в кино. Не на секунду. Чуть дольше. Почти незаметно.

Я снова поворачиваюсь к зеркалу. Расправляю плечи. Опускаю подбородок. Чуть приподнимаю грудь.

Интересно... что он видит? Мелкую? Соседку? Или всё-таки девушку?

Я провожу ладонями по талии. Медленно. Как будто проверяю — выросла ли я правда. Изменилась ли. Стала ли другой.

В зеркале отражается не школьница. Не ребёнок. И я это вижу.

Тогда почему он не видит?

Я хмурюсь.

Или видит — и делает вид, что нет?

Мысль колет. И злость возвращается.

— Идиот, — тихо шепчу я.

На него. И немного на себя. Потому что я хотела реакции. Хотела, чтобы он сорвался. Чтобы догнал. Чтобы сказал что-нибудь глупое, резкое, своё. А он — нет.

Я растёгиваю застёжку лифчика. Белье падает на кровать. В зеркале кожа кажется светлой, почти фарфоровой.

Я смотрю себе в глаза. Если бы он сейчас стоял здесь...

Сердце делает быстрый удар.

Я резко отвожу взгляд. Хватит. Хватаю футболку со стула, натягиваю её через голову. Будто прячусь обратно. Будто

закрываю что-то.

Сажусь на кровать.

Он вообще думает обо мне? Или ему правда всё равно?

Я ложусь на спину, смотрю в потолок.

И почему-то больше всего бесит мысль, что ему может быть пофиг.

Телефон вибрирует на тумбочке. Я тянусь, беру его в руку.

Кирилл.

Сообщение длиннее обычного.

«Ты зашла?»

Надеюсь, не замёрзла — вечером стало прохладно. Если что, куртку можешь оставить у себя, завтра заберу.

И правда, спасибо за вечер. Ты сегодня была какая-то... особенно тихая. Если устала — выспись. Не перегружай себя. И если что-то не так, не держи в себе, ладно?

Спокойной ночи, Алина.»

Он даже заметил, что я была тише. И не требует объяснений. Просто предлагает плечо.

Я чувствую лёгкое тепло — спокойное, ровное. С ним безопасно. Он не рвёт, не дёргает, не заставляет угадывать. Он как плед — мягкий, удобный, предсказуемый.

Я печатаю ответ:

«Зашла. Всё хорошо. Спасибо за вечер. Спокойной ночи.»
Отправляю.

Выключаю свет. Комната сразу становится глубже, тише. Только полоска фонаря с улицы ложится на стену и на край кровати. Я лежу на боку, поджав колени, и слушаю, как в квартире постепенно стихает шум.

Глаза закрываю. И сразу — он. На мотоцикле. Чёрная футболка, рука уверенно на газе, пальцы сильные, чуть в смазке. Ветер треплет волосы. Он щурится, когда едет против солнца. И выглядит так... свободно. Будто ему никто не нужен. Будто весь мир — это дорога и скорость.

Я помню, как однажды он притормозил у подъезда, снял шлем и провёл рукой по волосам. Я тогда стояла на балконе и смотрела вниз.

Сердце сжимается.

Почему ты никогда не смотришь на меня так, как я на тебя? Я же чувствую, когда ты рядом. Даже если не касаешься. Даже если просто проходишь мимо. У меня дыхание меняется. Голос становится тише. Я начинаю улыбаться без причины. А ты?

Ты смотришь скользяще. Коротко. Будто я часть фона. Как подъезд. Как лавка. Как двор.

Я переворачиваюсь на спину, смотрю в темноту.

Может, я всё придумываю. Может, мне кажется, что между нами что-то есть. Может, это только я. Но тогда почему, когда ты смотришь хоть на секунду дольше, у меня внутри

всё замирает?

Я закрываю глаза крепче. Представляю, как сижу за его спиной на мотоцикле. Держусь за талию. Прижимаюсь ближе. Ветер бьёт в лицо, а он смеётся и говорит что-нибудь своё — грубоватое, короткое, но тёплое.

И в этом воображаемом моменте он смотрит на меня иначе. Не как на соседку. Не как на младшую. А как на девушку.

Я тихо выдыхаю в подушку.

Почему ты никогда не смотришь на меня так, как я на тебя?

Глава 8

Макс

Мяч глухо бьётся о бетон и отскакивает мне под ногу. Я принимаю его автоматически — корпусом, бедром, стопой. Тело играет само, без меня. Пас Косте, рывок вперёд, свист пацанов, чьи-то крики: «Давай-давай!» Всё как обычно. Утро, коробка, пыль, жара ещё не разогналась.

Только внутри не обычно.

Раздражение сидит где-то под рёбрами, как заноза. Маленькая, но колет при каждом движении.

— Макс, справа! — орёт Ян.

Я перехватываю передачу подростка в чужой майке, легко обхожу его корпусом, пробрасываю мяч вперёд. Он даже не успевает понять, как я уже за спиной. Ворота — пара рюкзаков на асфальте. Бью.

Попал.

Кто-то свистит. Кто-то матерится. Кто-то хлопает меня по плечу.

А я уже не здесь.

Перед глазами — не сетка ворот. Не коробка. Не пацаны. Фары. Белый свет. Дверца машины. Она выходит.

Как будто кадр зациклили.

Опять вижу, как она наклоняется к окну. Как улыбается

ему. Как говорит этим мягким голосом. Как будто специально медленно. Спокойно. Показательно.

Я резко выдыхаю. Бросаю взгляд на окно.

— Ты чё такой злой с утра? — смеётся Костя. — Мы тебе не те ворота поставили?

— Нормально всё, — бросаю.

Мне пасуют снова. Я принимаю жёстче, чем надо. Мяч глухо ударяется о стопу. Подросток тянется отобрать — я ставлю корпус, он отлетает.

— Эй! — возмущается он.

— Играй жёстче, — отвечаю коротко.

Он бурчит, но кивает.

Я бегу дальше. Солнце лезет в глаза. Пот стекает по виску. Дыхание ровное. Сердце работает чётко. Всё под контролем. Кроме мыслей.

Чёртова картинка снова всплывает.

Её плечо в свете фар. Локти на двери. Тихий голос. Его рука на её локте. Слишком естественно. Слишком спокойно. Слишком... правильно.

Я бью по мячу сильнее, чем нужно. Он улетает в сетку с грохотом.

— Ого, — протягивает Ян. — Макс сегодня режим уничтожения включил.

Я молча разворачиваюсь на центр поля.

Если бегать быстрее — думать не приходится. Поэтому я бегу.

Игра не останавливается ни на секунду — пацаны носятся, земля скрипит под подошвами, кто-то орёт «пас», кто-то матерится, мяч стучит о бетон, как метроном. Всё как обычно. Двор, коробка, жара, утро.

Только я почему-то снова смотрю на её окна.

Третий этаж. Левый подъезд. Балкон с новой перекладной.

Сам не замечаю, как взгляд туда уходит. Будто магнитом тянет. Будто там что-то происходит. Хотя там ничего. Шторы. Тишина. Пусто.

Я усмехаюсь сам себе.

Ну конечно. Нашёл на что залипать. Это же Алина. Мелкая. Соседская. Своя.

Я же все себе уже объяснил. Нормальная реакция. Любой бы залип, если бы перед носом девчонка такая мелькала. Да, вытянулась. Да, грудь уже не детская. Да, вчера вырядилась как будто на кастинг куда-то. И что?

Смешно вообще думать об этом.

Просто бесит ситуация. Не она — ситуация. Что этот Кирилл так уверенно подъехал, будто всё давно решено. Будто имеет право. Вот это раздражает. Чисто мужская реакция. Нормальная. У любого бы щёлкнуло.

Я принимаю пас, веду мяч, обхожу одного, второго. Дыхание ровное. Тело работает чётко. В голове всё разложено по полкам.

Не из-за неё. Из-за принципа. Из-за характера.

Я снова мельком смотрю на окна. И в этот момент дверь подъезда открывается.

Она выходит.

Сначала волосы. Потом плечо. Потом вся. Лёгкая майка, короткие шорты, хвост собран наверху. Идёт спокойно, будто двор — обычный фон, а не место, где половина пацанов сейчас спотыкается взглядом.

Она не смотрит сюда. Вообще. Даже краем глаза. Будто нас здесь нет.

Что-то внутри резко дёргается — не больно, не сильно, просто как если мышцу свело.

— Макс!

Я не успеваю повернуться.

Удар. Глухой.

Мяч прилетает прямо в висок. Мир на секунду белеет.

— Бл*ть! — вырывается у меня, и я хватаюсь за голову.

Пацаны ржут.

— Сори!,- орет мелкий пацан. - Не видел, что ты завис!

— Я пас давал! - кричит кто-то.

— Он в облаках летает! - добавляет другой.

Я моргаю. Раз. Второй. Картинка возвращается. Коробка. Пацаны. Пыль. Мяч катится у ноги.

Алина уже проходит дальше по двору. Не обернулась. Даже случайно.

Я медленно выпрямляюсь, растираю висок. Болит. Пульсирует. Неприятно. Но вместе с болью приходит простая,

спокойная мысль.

Ну и всё. Вот и ответ. Если бы мне было не пофиг — я бы сейчас злился. Или думал. Или пялился дальше. Или вообще пошёл бы за ней взглядом. А мне нормально.

Обычная девчонка из соседнего подъезда. Почти как младшая сестра, только выросшая резко, неожиданно, с новыми заморочками. Бывает.

Я поддеваю мяч носком, подбрасываю, ловлю.

— Давайте, — говорю ровно. — Чё стоим. Играем.

И больше на её окна не смотрю. Потому что правда — пофиг.

Игра заканчивается и мы с Костей вваливаемся в подъезд на ходу споря, кто из мелких сегодня жульничал, поднимаемся ко мне через две ступеньки. Ключ в замке прокручиваю резко — есть хочется так, будто я не в футбол играл, а поле пахал.

— Мам, мы на минуту! — бросаю с порога.

На кухне пахнет жареным хлебом и чаем с лимоном. Мама оборачивается от плиты — и сразу взглядом цепляется за мой висок.

— Максим. Это что?

Чёрт.

Я машинально провожу пальцами по месту удара. Болит уже меньше, но, видимо, синяк вылез знатный.

— Мячом прилетело, — пожимаю плечами. — Нормально всё.

Она щурится, подходит ближе, наклоняет мою голову к свету, как будто я снова в первом классе и разбил коленку.

— «Нормально» у него. Шишка размером с орех. Кость, ты видел куда бил?

— Я пас давал вообще-то, — сразу сдаёт он меня и отступает к холодильнику. — Он сам завис.

— Не завис, а задумался, — бурчу.

— О чём? — мама смотрит внимательно.

— Да ни о чём.

Я открываю шкаф, хватаю хлеб, колбасу, быстро собираю бутерброды — один себе, один Косте, третий заворачиваю в салфетку. Время поджимает.

— Ты куда так спешишь? — спрашивает мама.

— На работу.

— У тебя смена вечером.

— Я ещё одну взял. Курьером. Днём развожу.

Она замирает.

— Максим...

— Всё нормально, мам, — перебиваю мягче. — Деньги лишними не бывают.

Костя одобрительно мычит с набитым ртом.

— Видали, тетя Тамара? Мужик растёт.

Мама вздыхает, но спорить не начинает. Только ладонью быстро приглаживает мне волосы — как раньше, когда провожала в школу.

— Поешь нормально хотя бы.

— Уже, — говорю, засовывая бутерброд в рот.

Мы хватаем пакеты, бутылку воды, я на ходу проверяю телефон, ключи, наушники.

— Всё, мы погнали.

— Шапку надень, — автоматически говорит она.

Мы с Костей одновременно ржём.

— Мам. Июнь.

— Тогда осторожнее.

— Всегда.

Дверь хлопает за спиной. В подъезде прохладно. Я перепрыгиваю через три ступени вниз.

Работа — лучшее, что можно придумать для головы, в которой слишком много лишнего шума. Когда едешь по городу с пакетом заказов за спиной, мозг занят простыми вещами: адрес, подъезд, этаж, код домофона. Никаких тебе мыслей. Никаких лиц. Никаких машин, из которых кто-то выходит слишком красиво и слишком демонстративно.

Мы с Костей идём вдоль тротуара, асфальт уже нагрелся, воздух дрожит, и в наушнике у меня бубнит навигатор.

— Курьер Макс Руднев, — тянет Костя насмешливо. — Через год будешь: «Здравствуйте, я доставил вам счастье».

— Отстань, — говорю.

— Не, ну серьёзно. Ты сегодня как на энергетиках. Бегаешь, не ноешь, не злишься. Подменили?

Я фыркаю.

— Просто работать надо, а не языком чесать.

Он ухмыляется.

— Ааа. Понял. Трудотерапия. От чего лечимся?

— От тебя.

Он смеётся, толкает меня плечом.

На самом деле он прав. Пока таскаешь пакеты, считаешь сдачу, ищешь нужный подъезд среди одинаковых панелек — внутри тихо. Ни раздражения, ни этой непонятной злости, которая с утра зудела под кожей. Просто шаги, дыхание и маршрут.

Следующий адрес — девятиэтажка с облезлой зелёной дверью. Я набираю код, мы заходим, поднимаемся пешком, потому что лифт, конечно, не работает.

— Слушай, — говорит Костя между этажами, — если тебе так нравится бегать, может, тебе марафон записать? Представляю: Макс стартует, потому что где-то кто-то его выбежал.

— Кость., - бросаю ему, что бы замолчал уже.

— Молчу-молчу.

Дверь открывает мужик в майке, забирает пакет, суёт деньги. Всё быстро. Всё просто. Никаких вопросов.

Мы снова на улице. Солнце бьёт в глаза. Я выдыхаю.

— Видал? — говорит Костя. — Работает. Ещё пару заказов — и ты вообще дзен поймаешь.

— Было бы неплохо.

Телефон в кармане коротко вибрирует. Я сначала игнорирую — думаю, приложение. Но вибрация повторяется. достаю.

Сообщение. Не от службы доставки. От Оксаны.

Я зависаю на секунду.

Костя косится:

— Чё там? Начальство премию выписало?

Я открываю чат.

«Привет ❖❖ Ты сегодня свободен вечером? Может встретимся?»

Внутри что-то щёлкает. Не резко. Спокойно. Как выключатель света. Ничего такого. Девушка пишет. Нормальная ситуация. Я свободный человек. Могу встречаться с кем хочу. Могу отвечать кому хочу. Могу вообще ни о чём не думать.

— Ну? — не выдерживает Костя.

Я убираю телефон в карман, пожимаю плечами.

— Да так. Вечером дела появились.

Он расплывается в ухмылке.

— О-о-о. Дела. Девчачьи?

Я усмехаюсь.

— Типа того.

Вечер липнет к коже тёплым воздухом. Двор шумит —

где-то хлопает подъездная дверь, кто-то смеётся на лавке, мотоцикл рычит за углом. Я сижу на перилах у подъезда и верчу телефон в пальцах. Экран гаснет, загорается, гаснет снова.

День прошел - работа, беготня, шутки Кости, шум улицы - все это должно было выбить из головы лишнее. Но сейчас опять дергает.

Не думаю. Не вспоминаю. Не прокручиваю.

Губы.

Чёрт.

Я стискиваю зубы, провожу ладонью по лицу. Ну подумаешь, губы. Обычные. У всех есть губы. Ничего особенного. Просто... у неё они мягкие на вид. Будто если провести большим пальцем — она даже не оттолкнёт, а только моргнёт своими глазами.

Глаза.

Да блин.

Я резко выдыхаю и смотрю на тёмные окна дома напротив. Там отражается двор, фонарь, силуэты деревьев. Нормальная картинка. Спокойная. Без неё.

Голос всплывает сам. Лёгкий, быстрый, с этим её привычным смешком в конце фраз, будто она всё время чуть-чуть издевается. Не зло. Просто так. Как мелкая, которая уверена, что ей всё можно.

Мелкая.

Вот. Всё правильно. Она и есть — мелкая. Почти млад-

шая сестра. С характером, с вечными выходками. С чего мне вообще забивать голову?

Бесит только потому что ведет себя странно. Потому что пригласила в кино... только меня.

Вот это вообще непонятно.

Я прокручиваю момент заново. Она же могла позвать всех. Вику, Костю, кого угодно. Но сказала именно мне. Спокойно так, будто это нормально. Будто мы с ней ... кто? Друзья? Да мы и не общаемся толком. Так вместе только со всеми.

Тогда зачем?

Я щурюсь, пытаюсь рассмотреть ответ на внутренней стороне век. Может, просто совпало. Может, ей скучно. Может, вообще без задней мысли.

Да. Вот. Скорее всего.

Меня отпускает. Плечи расслабляются. Конечно. Я себе накрутил фигни. Она мелкая. А я взрослый мужик, который после работы сидит и думает о ее глазах. Смешно.

Я соскальзываю с перил, прохаживаюсь вдоль подъезда.

Или нет. Я ей нравлюсь. Алина подросла и решила глаз свой на меня положить? Так у нее же Кирилл есть.

Телефон вибрирует в ладони — напоминание о реальности. Сообщение всё ещё ждёт ответа. Оксана. Нормальная девчонка. Без выкрутасов. Без этих взглядов. Написала просто: встретимся?

Вот это — нормальный вариант. Без лишних мыслей. Без

раздражения. Без... всего.

Я открываю чат. Несколько секунд смотрю на клавиатуру.

Потом быстро печатаю:

«Давай. Во сколько?»

Отправляю.

Сообщение улетает — и внутри становится тихо. Ровно.

Правильно.

Я убираю телефон в карман и усмехаюсь сам себе.

Вот и всё.

И правда ведь — мне пофиг.

Глава 9

Алина

Летние каникулы. Будильник больше не звенит и не надо вставать чтобы отправиться грызть гранит науки. Но я все равно просыпаюсь довольно рано. Видимо привычка. Надо подождать какое-то время чтобы организм привык и мог спокойно выспаться по утрам.

Секунда — и я ещё не понимаю, почему внутри такое странное ощущение. Будто что-то должно случиться. Будто воздух в комнате другой.

Потом вспоминаю.

Восемнадцать.

Я улыбаюсь в подушку.

Восемнадцать лет. Не шестнадцать. Не «почти взрослая». Настоящие восемнадцать. Цифра, которую так долго ждёшь, а потом она вдруг приходит — и ты лежишь в своей комнате, с теми же обоями, тем же шкафом, тем же видом из окна. Но внутри что-то меняется.

Я сажусь на кровати, подтягиваю колени к груди. Солнечный свет уже пробирается сквозь шторы, полосами ложится на пол. Лето. Тёплое, яркое, моё.

В дверь тихо стучат.

— Можно? — голос мамы.

Я едва успеваю ответить, как она уже заходит вместе с папой. У мамы в руках небольшой торт с одной свечкой. Папа несёт букет — мои любимые белые пионы.

Хотелось бы еще в придачу увидеть милого щенка с ленточкой или хотя бы хомячка. Я мечтала о животном с малых лет. Но у мамы аллергия на шерсть. Мы брали как-то хомячка, но даже он не смог с мамой ужиться. Все было оглушено ее чихом, влажным носом и красными глазами. Новоселец прожил у нас один день, после чего его пришлось подарить знакомым.

Так что придётся обойтись более неодоухотворенными подарками. Но и им я безумно рада.

— С днём рождения, взрослая девушка, — говорит папа и улыбается так, как улыбался, когда я шла в первый класс.

У меня вдруг перехватывает горло.

— Спасибо...

Мама ставит торт на стол, подходит и крепко меня обнимает. По-настоящему. Долго. Как будто я всё ещё маленькая.

— Восемнадцать, — тихо говорит она мне в волосы. — Как быстро.

Я смеюсь сквозь слёзы.

— Мам, не начинай.

Папа протягивает букет.

— Теперь официально можем отпускать тебя во взрослую жизнь.

— А раньше что, держали? — фыркаю я.

— Конечно, — серьёзно отвечает он. — До вчерашнего дня ты была под строгим контролем.

Мы смеёмся.

Я задуваю свечку, загадываю желание — быстро, не раздумывая. Даже не формулирую словами. Просто картинка в голове. Очень конкретная.

Я отрезаю первый кусочек торта, мама хлопочет, папа наливает сок. Всё привычно, тепло, по-домашнему.

Но внутри у меня сегодня ощущение, что я стою на какой-то границе. Ещё вчера — девочка из соседнего подъезда. Сегодня — восемнадцать. Взрослая.

Мы вместе завтракаем и я иду одеваться к своему торжеству.

Стою перед шкафом уже минут десять. Вешалки скрипят, платья качаются, как будто издеваются. Отмечать будем у Тима в гараже. Точнее, у них там целая мини-ферма: гараж, огородик, большая беседка, музыка хоть на полную — и никому не мешаешь. И цент города и вроде как на природе. И логично надеть что-то простое. Шорты, кеды, майку.

Но это же восемнадцать.

Я достаю платье. Лёгкое, светлое, по фигуре. Не слишком короткое, но достаточно, чтобы ноги казались длиннее. Провожу по ткани пальцами. Слишком? Или в самый раз?

В голове всплывает картинка: деревянная беседка, гирлянды, шашлык, ребята в футболках и кроссовках. И я — на каблуках.

Я улыбаюсь. Ну и пусть.

Я надеваю платье. Ткань мягко ложится по талии, подчёркивает бёдра. Я поворачиваюсь к зеркалу боком. Чуть расправляю плечи.

Достаю коробку с босоножками. Каблук не шпилька, но высокий. Для гаража — перебор. Для меня сегодня — идеально.

Пока застёгиваю ремешок на щиколотке, внутри щекочет лёгкое волнение. Просто хочу выглядеть красиво. Для себя. Для дня. Для фотографий. Да. И, возможно, чтобы один человек посмотрел не так, как обычно.

Я крашу губы чуть ярче, чем в обычный день. Подвожу глаза. Волосы оставляю распущенными — пусть падают на плечи.

Смотрю на себя в зеркало. Это точно я? Не девочка. Девушка.

Я улыбаюсь своему отражению.

— С днём рождения, Алина, — тихо говорю.

Звонок раздаётся ровно в тот момент, когда я поправляю серёжку у зеркала.

Сердце — в пятки.

Я знаю, кто это.

— Алина, открой! — кричит папа из кухни.

Я выхожу в коридор, стараясь идти спокойно, не слишком быстро. Как будто мне вообще всё равно. Как будто я не ждала этого звонка последние полчаса.

Открываю дверь. Макс стоит на пороге.

Чёрная футболка, светлые джинсы, кроссовки. Руки чуть в карманах, на запястье часы, плечи расслаблены. Но взгляд — внимательный. Быстрый. Сначала в лицо. Потом ниже. И обратно.

Сердце делает предательский удар.

— Привет, — говорит он.

— Привет.

— С днем рожденья, -говорит он спокойно, чуть ниже обычного.

— Спасибо, - и краснею как итальянский помидор.

Пауза. Короткая. Почти незаметная.

Из кухни выходит папа.

— О, Макс! Заходи.

Они жмут руки крепко. Макс чуть кивает, здоровается, улыбается. Они перекидываются парой фраз.

— Так, мужики, хватит разговоров. Там пакеты., - поддакивает мама.

Макс сразу включается. Снимает кроссовки у порога, проходит на кухню. Я иду следом, но держусь чуть в стороне. Мы вчера наготовили всего вместе с мамой, по-большой степени она, я лишь помогала, теперь эти явства надо отвезти на фазенду. Родители даже купили несколько бутылок вина. Сегодня немного можно. Компания у нас нормальная, так что родителям нечего переживать. Хотя парни явно пригостили там еще, уже лично для себя.

Макс берёт два самых тяжёлых пакета сразу.

— Куда грузим? - спрашивает папа.

— В багажник, — отвечает Макс.

Я смотрю, как они вдвоём выходят к машине. Макс идёт уверенно, легко, будто это его дом. Папа что-то рассказывает, жестикулирует. Макс слушает, кивает, иногда отвечает коротко.

Внутри странное ощущение. Будто это не просто помощь с пакетами. Будто это что-то большее.

Я выхожу следом на улицу. Каблуки цокают по асфальту. Макс оборачивается на звук. И на секунду его взгляд задерживается. Чуть дольше, чем нужно.

— Готова? — спрашивает он.

Я киваю.

— Готова.

Папа хлопает его по плечу

— Аккуратно там.

— Конечно.

Мы прощаемся с отцом и садимся в машину. Я — на пассажирское. Каблуки осторожно ставлю на коврик. Платье расправляю по коленям.

Макс заводит двигатель. В салоне пахнет бензином и его одеколоном — лёгким, терпким.

— Красиво выглядишь, — говорит он, не глядя.

Сердце пропускает удар.

— Спасибо.

Машина трогается. Мы едем молча пару минут. Музыка играет тихо. Я чувствую, как напряжение между нами почти осязаемое.

По дороге останавливаемся у Вики. Она выскакивает из подъезда, машет нам.

— Ого! Именинница при параде! — смеётся она, усаживаясь назад.

— А ты как думала, — отвечаю я.

Макс смотрит в зеркало заднего вида. Наши взгляды встречаются на секунду. Я прикусываю губу и болтаю с Викой.

Музыку слышно ещё с дороги. Бас глухо бьёт по воздуху, смешивается с запахом дыма и жареного мяса. Когда машина сворачивает к участку Тима, я вижу гирлянды — они уже включены, хотя ещё светло. Лампочки тянутся от гаража к беседке, мигают тёплым светом.

— О, понеслась, — усмехается Макс, паркуясь.

Во дворе уже полно людей. Кто-то у мангала, кто-то в беседке, кто-то танцует прямо на траве. Смех, крики, хлопки по плечам.

Как только я выхожу из машины, раздаётся громкое:

— Именинница приехала!

Мира выскакивает первая, обнимает меня так, что я едва удерживаюсь на каблуках.

— Восемнаадцать! — тянет она.

К нам подбегает Тим, в фартуке, с щипцами в руке.

— Алина! Ну наконец-то! — он обнимает меня аккуратно, чтобы не испачкать. — Сегодня ты главная.

— Надеюсь, — смеюсь я.

Костя уже тянет из багажника пакеты.

— Макс, не тормози, герой дня не ты.

— Завидуй молча, — отвечает Макс спокойно и достаёт коробки с напитками.

Я оглядываюсь вокруг.

Гараж открыт — внутри стол с закусками, гирлянды на стенах, колонка орёт так, что пол вибрирует. В беседке накрыт длинный стол. На мангале шипит мясо, дым поднимается в голубое небо.

Это и правда как маленькая ферма — вроде город, но ощущение, будто мы где-то за его пределами. Свобода. Пространство. Никто не придёт жаловаться на шум.

— Вау, — тихо говорю я.

— Нравится? — раздаётся рядом голос Макса.

Я поворачиваюсь. Он стоит близко. Слишком близко. В руках коробка с соком.

— Очень.

Он смотрит на меня секунду. Потом кивает.

— Тогда поехали праздновать, взрослая.

Меня буквально утаскивают к столу. Мы с девочками приступаем разбирать пакеты, сервировать стол.

— Сначала поздравления! — командует Вика, хлопая в ладоши.

Музыку чуть приглушают. Все собираются ближе — кто с пластиковыми стаканами, кто с шампурками в руках, кто просто с улыбками.

Тим выходит вперед.

— Так, — начинает он торжественно, — сегодня у нас не просто тусовка. Сегодня у нас совершеннолетие. Алина официально может творить глупости на законных основаниях!

Все смеются. Я закатываю глаза, но внутри тепло разливается по груди.

— Будь счастливой, — добавляет он уже серьезнее. — И оставайся такой же... вредной.

— Спасибо, — улыбаюсь я.

Вика вручает мне коробку, перевязанную розовой лентой.

— Открывай!

Внутри — туфли для танцев.

— Чтобы напоминали, что я всегда рядом, — шепчет она и обнимает меня.

Костя дарит огромную коробку конфет и театрально кланяется.

— Для сладкой жизни.

— Слишком пафосно, — смеюсь я.

Кто-то протягивает цветы, кто-то конверт, кто-то маленькие пакетики. Всё шумно, искренне, по-дружески.

Я благодарю, улыбаюсь, обнимаю.

Телефон вибрирует в ладони как раз в тот момент, когда Костя снова включает музыку громче.

Кирилл.

Я отхожу чуть в сторону, к забору.

— Да?

— Мы подъехали почти. Куда именно заезжать? — его голос спокойный, как всегда.

Я быстро объясняю ориентиры — серые ворота, гараж с гирляндами, музыка слышно издалека.

— Понял. Минуту.

Я сбрасываю вызов, и внутри что-то странно сжимается. Волнение? Предвкушение? Или просто потому что сейчас всё станет... заметнее.

Через пару минут к воротам плавно подкатывает такси. Жёлтый кузов в свете гирлянд кажется почти киношным.

Музыка не стихает, но несколько человек оборачиваются.

Дверь открывается. Сначала выходят Лера и Маша — мои девчонки с танцев. Я визжу, бегу к ним, обнимаю по очереди.

— С днём рождения, взрослая! — смеётся Лера.

А потом из машины выходит Кирилл. И будто кадр замедляется.

Он в светлой рубашке с закатанными рукавами и тёмных брюках. Волосы аккуратно уложены. В руках — большой букет. Стильный. Белые и нежно-розовые цветы.

Он закрывает дверь такси, благодарит водителя, и только потом поднимает взгляд. На меня. И улыбается. Не широко. Спокойно. Уверенно.

Кирилл подходит, не торопясь, будто не замечает, что на

него уже смотрят.

— С днём рождения, Алина, — говорит мягко.

И протягивает букет. Я принимаю его, чувствую лёгкий аромат.

— Спасибо, — отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он наклоняется чуть ближе, целует меня в щёку — аккуратно, галантно.

— Восемнадцать — серьёзная дата.

Сзади кто-то присвистывает. Боже, ну, что за друзья, что за подколы. Свистят как будто мне предложение сделали. Я заливаюсь карской. Утыкаюсь в букет, чтобы хоть как-то прикрыться.

Я чувствую взгляды. Чувствую напряжение в воздухе. И не оборачиваюсь, боюсь глянуть, знаю — Макс это тоже видит.

Глава 10

Макс

Музыка орёт, мясо шипит на мангале, кто-то уже третий тост толкает, а я сижу за столом и делаю вид, что всё нормально.

Нормально же. День рождения. Восемнадцать. Вон шарик повесили, гирлянда светит. Весело.

Только напротив меня сидит этот вылизанный мажорик.

Рубашка светлая, рукава закатаны аккуратно, часы блестят в свете гирлянд. Сидит ровно, не разваливается, не ржёт громче всех. Спокойный. Уверенный. Такой весь... правильный.

И бесит.

Кирилл этот - как из рекламы зубной пасты. Улыбочка, рубашка выглажена, букет вручил так, будто жениться приехал.

Жених, блин.

И это всем очевидно. Будто не день рождения, а сватовство устраиваем. Колец только не хватает. Да жаль, что родети дома остались.

Он наклоняется к Алине, что-то говорит ей тихо. Она улыбается. Не так, как Вике. По-другому. Мягче. Хихикает. Смеется, блин.

Я делаю глоток из стакана. Слишком большой. Костя что-то рассказывает, Ян гогочет, но я уже не в теме. Я смотрю.

Алина смеется над чем-то, но глаза - не всегда на нем. Иногда - на мне. И вот это меня выбивает.

Она смотрит и будто ждет реакции. Какой? Я не понимаю.

Кирилл кладёт руку на спинку её стула. Не трогает. Просто рядом. Как будто случайно. Но это не случайно. Территорию метит.

Меня будто иглой прошивает. Не лезь. Мое. Стоп. Не мое. Да что со мной?

Я поднимаю взгляд. Он тоже смотрит. Секунда. Молча. Без улыбки. Без слов. Просто взгляд в взгляд.

Он считывает. Я считываю. Он понимает, что я смотрю на нее. Я понимаю, что он понял. Молчаливый обмен. Никто не улыбается. Мужская немая дуэль. Без кулаков. Пока. А очень хочется. Очень хочется. Ладони вспотели, пальцами скребу ладони, потираю.

Он первым отводит глаза. Спокойно. Как будто ему вообще всё равно.

Я усмехаюсь.

И снова смотрю на Алину.

Она щебечет с подругами, волосы падают на плечо. Каблуки под столом, платье по фигуре. Не мелкая уже. И это злит. Потому что он смотрит на неё как на девушку. Он оценивает ее с ног до головы. Нет, не пошло. Но с интересом и любовью. Он знает ее другую. А я... я вообще кто в этой

картинке?

— Макс, ты чего такой молчаливый? — толкает меня Ян.

— Нормально всё, — отвечаю коротко.

В этот момент Кирилл поднимает стакан.

— За Алину, — говорит он спокойно. — Чтобы этот год был для неё началом чего-то большого.

Все поддерживают, чокаются. Я тоже поднимаю стакан.

— За Алину, — повторяю.

Наши стаканы с Кириллом сталкиваются чуть сильнее, чем нужно. Он смотрит прямо. Я не отвожу взгляд. Внутри что-то тёмное, упрямое поднимает голову. Не знаю, что это. Но мне это не нравится.

Какого черта я вообще ввязался в борьбу за внимание?

Музыка становится громче. Кто-то переключает трек — быстрый, с тяжёлым басом. Девчонки тянут Алину в центр двора, под гирлянды. Каблуки цокают по плитке, волосы рассыпаются по плечам. Она смеётся, кружится, свет цепляется за её кожу.

Я стою у мангала с Костей и Яном. Переворачиваю шампуры, слежу, чтобы не подгорело. Дым щиплет глаза, но это даже кстати — можно не так явно пялиться.

Алина смотрит на меня не так как на других. Слишком внимательно. Слишком долго. С ожиданием. И это знание сидит под кожей.

— Макс, ты мясо смотри, а не туда, — усмехается Костя.

— Смотрю, — отрезаю я.

Но всё равно взгляд сам цепляется. Алина, черт бы ее побрал.

Она двигается легко. Уже не угловатая девчонка. Платье мягко обнимает бедра, подчёркивает талию, каблуки вытягивают ноги. Когда останавливается, чтобы поправить волосы, я замечаю - ключицы тонкие, шея открытая, кожа светлая в свете лампочек.

Кирилл стоит недалеко, наблюдает спокойно, будто уверен, что всё под контролем. Это бесит.

Воображаю себе что он думает. Что возникает у него в голове при виде такой танцующей легкой Алины. Когда каждое ее движение отзывается внутри. Каогда каждый взгляд пронзает насквозь.

Я резко отдаю шампуры Яну.

— Подержи.

— Куда? — кидает он.

— Ща. - бросаю уже не глядя.

Я иду к ней. Сквозь музыку, смех, свет. Беру её за локоть.

— Пойдём на минуту.

Она удивлённо смотрит, но идёт. Сама краснеет при этом, мило так. Остальные не обращают особого внимания на наш уход.

Мы отходим за гараж, где тише, только отдалённый бас и запах травы.

— Что? — спрашивает она, чуть запыхавшаяся.

Я достаю из кармана маленькую коробочку. Простую. Без

лент.

— Это тебе.

Она замирает. Будто дышать перестает.

— Макс...

— Открой., киваю на корбку.

Она медленно открывает. Внутри — тонкий серебряный браслет. Почти невесомый. Минималистичный. Без камней, без лишнего.

Я смотрю не на украшение. На нее.

Как ее губы чуть приоткрываются. Как ресницы дрожат. Как грудь поднимается глубже обычного вдоха.

Она правда ждала от меня чего-то.

— С днем рождения, принцесса, — говорю я, пожимая плечами.

Она смотрит на украшение, потом на меня. В глазах — что-то тёплое. И опасное. У самого дыхание сбивается. Такие большие глаза и устремлены только на меня. Полностью поглощают. В них столько надежды и счастья.

— Он красивый, — тихо.

— Если не понравится, скажешь. Я не шарю в этом.

— Понравился., - спохватывается принцесса и таращится на меня во все свои большие глаза. Сглатываю.

Пауза.

Я беру браслет, касаюсь её запястья. Кожа тёплая. Пульс чувствуется под пальцами.слишком быстро для простого подарка.

Мне кажется у самого пальцы дрожат. Но удается с собой совладать. Алина не замечает моей внезапной тахикардии. Застёгиваю аккуратно. Почти касаясь лишний раз. Слишком близко.

Алина не одергивает руку. Наоборот - будто замирает.

Она поднимает взгляд. Ее глаза в мои. Я уже не делаю вид, что не понимаю.

Скольжу взглядом ниже - по линии шеи, к вырезу платья, по изгибу талии. Без спешки. Без стыда.

Она это замечает. И дыхание у нее сбивается.

— Спасибо, — говорит тихо.

Музыка за спиной снова взрывается смехом.

Я отпускаю ее руку. Отступаю на шаг. Потому что если не отступлю сейчас - подойду ближе.

— Пошли, а то без тебя сожрут всё.

Но внутри уже не про шашлык. Беру ее за руку и подхожу еще ближе.

Глава 11

Макс

Мы возвращаемся к свету, к шуму, к людям. И всё будто сразу громче.

Я иду чуть позади неё. Смотрю, как браслет поблёскивает на её запястье в свете гирлянд. Мой. На ней.

И в этот же момент прилизанный оказывается рядом. Как будто ждал. Кудаж без него.

— Всё в порядке? — спрашивает он у неё спокойно.

Спокойно, мать его. В порядке все у нас. По крайней мере до твоего появления.

— Да, — отвечает Алина. — Макс просто...

Она не договаривает. Смотрит на меня. Секунда. Потом обратно на Кирилла.

Он улыбается ей. Не широко. Уверенно. Слегка наклоняется ближе, чтобы услышать сквозь музыку.

Я чувствую, как внутри начинает закипать. С чего вообще? Она не моя. Никогда не была. Мелкая из соседнего подъезда. Дочка дяди Олега. Всё. Но почему тогда так бесит, когда он стоит слишком близко? Когда его рука снова оказывается на спинке её стула. Когда он что-то шепчет ей на ухо, и она улыбается.

Я сжимаю стакан сильнее, чем нужно. Пластик хрустит.

— Макс, ты чего? — кидает Костя.

— Ничего.

Ничего. Просто раздражает. Просто не нравится его рожа. Просто он слишком правильный. Слишком уверенный. Слишком... подходящий.

Я смотрю, как Кирилл подаёт ей напиток. Как пропускает вперёд. Как держит дистанцию, но так, чтобы всем было понятно — он рядом.

Он снова ловит мой взгляд. Не отводит. В глазах — спокойствие. Почти вызов. Будто говорит: «Она моя».

Я отворачиваюсь первым.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Да пофиг мне. Пусть стоит рядом. Пусть шепчет. Пусть водит на набережные и дарит цветы. Мне вообще всё равно.

Я делаю глоток. Горло жжёт.

Только почему тогда хочется подойти и убрать его руку с её стула? А лучше сломать.

Новоиспечённый кавалер не спрашивает долго. Просто протягивает руку Алине. Она смотрит на него секунду. И кладет свою ладонь в его.

Внутри что-то неприятно дергается.

Они начинают танцевать. Не прижимаясь. Без лишнего. Но он держится слишком по-хозяйски.

Я стискиваю челюсть.

Платье коротковато. Каблуки вообще ни к селу - тут плитка и трава. Но она идет в них так, будто подиум. И ловит

взгляды. В том числе и мой.

Алина двигается легко, уверенно. И ... смотрит. Не только на него. На меня. Сквозь толпу. Сквозь свет.

Наши взгляды сталкиваются. Она на секунду сбивается с ритма, краснеет. Я вижу это даже отсюда. Щеки становятся ярче, дыхание меняется. Она прикусывает губу, когда я на нее смотрю. И это знание только подливает масла в огонь.

Кирилл что-то говорит ей близко к уху. Она улыбается, но взгляд снова цепляется за меня.

Да что за херня. Не мое это дело. Пусть хоть замуж за него выходит.

Я резко встаю, иду где стоят ее подруги с танцев.

— Не скучно без партнера? - кидаю я легко.

Они переглядываются, улыбаются.

— А ты свободен? - флиртует Маша.

— Пока да.

Я наклоняюсь ближе, говорю что-то тихо, нарочно сокращая дистанцию. Слушаю как они щебечут, кидаю пару фраз, улыбаюсь. Они смеются громче. Касаются моей руки.

Маша прикольная, симпатичная. Может зависнуть с ней? Расслаблюсь. Все же день рождения, вечеринка, а то и дело хожу и кипячусь. Надо отвлечься и перестать пялиться на без пяти минут женатую пару.

Краем глаза вижу - Алина заметила, что я щебечу с ее танцовщицами.

Ее движения становятся резче. Улыбка уже не такая лег-

кая.

Наши взгляды снова встречаются. В ее глазах - раздражение, обида. Она резко отстраняется от Кирилла. Что-то бросает ему и уходит.

Кирилл остается один. Вика бросается за ней следом. А я чувствую странное удовлетворение. И одновременно - еще большую злость. Потому что мне вообще не должно быть до этого дела. Надо сосредоточиться на Маше, желающих в нашей компании много. Одни парни - все холостые и всего лишь две «разрешенные» девочки.

Просто мне не нравится, когда кто-то другой держит ее за талию. И не потому что она моя. Она не моя. Просто ... да какого черта он вообще ее трогает.

Я продолжаю общаться с подружками, даже может что-то и складывается. Сам все равно поглядываю в сторону, куда убежала Алина. Становится хреново и тревожно. Переживаю, что она так психанула. Расстроилась? Жених, кажется тоже расстроен. Присел, погрустнел немного, тоже оборачивается. Но догонять Алину не идет. Надеюсь Вика там с ней поговорит. Психолог как ни как. Настроение обрабатывать звонких танцовщиц больше нет. Вежливо откланиваюсь и ухожу.

Музыка долбит по ушам. Я выхожу за гараж — там темнее, только край гирлянды мигает в углу. Достая сигарету, прикуриваю. Дым тяжёлый, горчит. Нормально. Хоть что-то отвлекает.

Парни сначала стоят рядом, обсуждают, кто сколько выпил, потом их утаскивают обратно к столу. Я остаюсь один.

Почти.

Шаги слышу заранее. Жених. Спокойный как всегда.

Он останавливается рядом, но на расстоянии. Руки в карманах. Рубашка всё такая же аккуратная, будто он вообще не потеет и не злится. Лицо спокойное.

— Не помешаю? — спрашивает.

— Уже помешал, — отвечаю, не глядя.

Он хмыкает.

— Я не курю.

— Рад за тебя.

Пауза.

Вот что он хочет? Желание дышать с ним одним воздухом не вызывает перспектив. Быстрее надо докуривать и сваливать, а лучше бы он свалил.

Музыка бьёт из-за угла, свет мелькает. Слышен смех Алины.

Он поворачивает голову в ту сторону.

— Завтра конкурс, — говорит спокойно. — Ты, наверное, знаешь.

Я выдыхаю дым.

— Слышал., - вру.

— Мы с Алиной выступаем вместе.

Просто факт. Но под этим фактом — уверенность.

Я медленно поворачиваюсь к нему.

— И?

Он смотрит прямо.

— Ничего. Просто приходи. Посмотри. Улица Мира 183, корпус 2, в 12 часов.

Уголок его губ чуть дёргается.

— Она нервничает. Но справится.

Он говорит «она» так, будто уже рядом с ней. Будто они команда. Связка.

Меня это цепляет сильнее, чем если бы он начал выпендриваться.

— Я сам решу, куда мне приходиться, — отвечаю.

— Конечно, — кивает он легко. — Я не сомневаюсь.

Опять эта чёртова спокойная уверенность. Будто он уже победил. Будто знает, что завтра они выйдут вместе, свет, сцена, музыка — и всё станет очевидно.

Он разворачивается первым.

— Не задерживайся, — бросает через плечо. — Курение вредит здоровью.

Я остаюсь в тени. Докуриваю. Внутри неприятно тянет. Не из-за конкурса. Из-за того, как спокойно он говорит «мы».

Я возвращаюсь во двор и первое что вижу - Алина уже за столом. Сидит с девочками. Смеется. Будто ничего не произошло.

Накатывает облегчение. И даже что-то вроде стыда. Перегнул я наверное с Машей, хорошо что не расплакалась. Не испортил ей праздник.

Этот гад снова крутится возле нее. Ну ты что не видишь, девчонки о своем болтают, нахрена ты к ним лезешь. Оставь ее в покое.

Нет же. Подходит. Спокойно как всегда. Присаживается рядом. Слишком близко. Руку протягивает. Он что-то говорит. Она слушает. И улыбается.

Внутри что-то щелкает. Я даже не помню как оказываюсь рядом. Просто шаг. Второй. Третий. И моя рука уже лежит у него на плече. Сжимает. Не дружески. Жестко.

Рывком поднимаю его и поворачиваю к себе. Стул падает. Задеваем стол. Посуда гремит. Что-то падает на пол. Кто-то из девчонок вскрикивает.

— Макс!

Стол замирает. Смех обрывается. Кирилл спокойный. Но в глазах - понимание. Он знает что я хотел это сделать. Еще секунда - и я бы врезал. Я сам это понимаю.

Вокруг- тишина. Даже музыка будто дальше.

— Макс... - слышу Костю где-то сбоку.

Я не отвожу взгляд от Кирилла. Он не дергается. Не отталкивает руку. Просто смотрит. Спокойно, мать его. И вот это спокойствие окончательно бесит.

Алина вскакивает.

— Ты что делаешь?!

Глаза огромные. Испуганные. Прямо вглубь заглядывают.

Я отпускаю его плечо. Отхожу на шаг. Оглядываюсь - все смотрят. Все.

— Ты че, перепил? - Костя подходит ближе - Может, тебя домой отвезти?

Я провожу рукой по лицу. Сердце бьется как после драки. Только драки не было.

— Да... - выдыхаю.- Надо, наверное.

Потому что если останусь - реально сорвусь.

Костя кивает. Берет телефон. Мы отходим к воротам. Все еще находятся в ступоре, никто не начитает разговор. Просто молча провожают нас взглядами.

Я чувствую ее взгляд в спину. Бежит следом.

— Макс!

Я останавливаюсь. Не оборачиваюсь сразу.

— С тобой все в порядке? - голос тихий. Но дрожит.

Я поворачиваюсь и меня разрывает от всего сразу. От злости. От ее глаз. От того, что не понимаю, что со мной. Все перемешивается. Злость. Стыд. Ревность. Бессилие. Я не могу разобрать.

— А тебе не все равно? - бросаю жестко.

Принцесса замирает.

— Что?

— У тебя партнер есть. Вот с ним и переживай.

Сказал. И в ту же секунду внутри что-то холодное падает вниз. Зачем?

Она смотрит, будто я ее ударил.

— Я просто спросила....

— Не надо, - отрезаю - Все нормально.

Ничего не нормально. Внутри буря. Непонятная. Я не могу ее разобрать. Это не ревность. Или ревность? Это злость. Или не злость? Я сам не понимаю.

— Но ты только что... хотел его ударить.

— И что?, - продолжаю грубить. Не хочу. Но по-другому не выходит.

— Зачем? - звучит разочарованно.

— Потому что надоело смотреть как ты строишь из себя взрослую.

Тишина. Ее лицо меняется. Что-то гаснет. Вижу это. И самому дурно становится. Ну вот кто меня за язык тянул?

— Что занчит «строю»? - тихо.

Я чувствую что перехожу границу. И все равно не останавливаюсь.

— Каблуки, платье... эти взгляды. Думаешь, это круто? Думаешь для него?

Она сглатывает. Делает шаг назад.

— Понятно. Какой же ты..., - не договаривает. И так понятно. Сам заню.

Алина разворачивается и идет обратно во двор. Спина ровная. Браслет блеснул в свете гирлянд. Мой браслет.

Я только что сделал хуже, чем если бы все же ударил Кирилла.

Костя смотрит на меня как на психа.

— Макс, ты чего вообще? Ты больной?

Я качаю головой.

— Поехали.

Внутри пустота и страх. Я только что сделал что-то, за что завтра придется отвечать.

Глава 12

Макс

Я третий раз ныряю головой в бочку с холодной водой. Ледяная. Почти обжигает.

Выныриваю, провожу ладонью по лицу. Вода стекает по щеке, по груди, пропитывает футболку. Капли падают на бетон, темнеют пятнами. Нормально. Так легче.

Во дворе тихо — утро ещё не разогрелось. Солнце только поднимается, бетон сырой от ночной прохлады. В груди тяжесть, будто я не спал, а всю ночь кого-то душил. Я делаю вдох, упираюсь руками в край бочки и снова опускаю голову в воду. Хватит. Надо выбить это.

Выхожу на коробку. Мяч уже там — вчера пацаны оставили. Бью по воротам раз, второй, третий. Слишком сильно. Мяч отскакивает от штанги и катится обратно. Злость сидит в плечах. В кулаках. В челюсти.

Я начинаю отжиматься прямо на асфальте. Двадцать. Тридцать. Сорок. Дыхание рвётся.

В голове — картинка. Её талия под его рукой. Его спокойное «мы выступаем». А я как идиот хватаю его за плечо. Придурок.

Чёрт.

Я переворачиваюсь, делаю пресс. Мышцы горят, пот течёт

по спине. Хорошо. Пусть болит. Пусть забывает всё остальное.

Этот хмырь вчера крутился возле неё до самого вечера. Спокойный. Уверенный. Как будто уже решил, что всё.

Танцоры уехали рано. Почти вскоре после меня. Сегодня конкурс. Им надо быть в форме. Я и так испортил вечеринку.

«Мы выступаем».

Опять это «мы».

Я вскакиваю, хватаю мяч и начинаю бить по стене гаража. Сильно. Резко. Почти без пауз.

Бам. Бам.Бам.

Как будто могу выбить из головы ее взгляд, когда она побежала за мной во двор.

«Макс, с тобой все в порядке?»

Не в порядке я!

Штанга.

Наорал. И сразу пожалел. Челюсть снова сжимается.

Пусть выбивается. Пусть вместе с ударом уходит эта дурацкая картинка, где она смотрит на меня, пока танцует с ним. Она сама выбрала. Я ей ничего не обещал. Ничего не должен.

Я бегу по двору кругами. Дыхание уже хрипит, грудь горит. Мышцы забиваются, но это даже кстати. Чем сильнее усталость — тем меньше места для мыслей.

Все нормально. Это просто задетое эго. Не больше.

Останавливаюсь у бочек. Снова наклоняюсь. Вода холод-

ная до онемения.

Ныряю четвёртый раз. Секунда тишины под водой. Там нет ни музыки. Ни её взгляда. Ни его спокойной рожи. Нет этого дурацкого ощущения, что я что-то теряю, сам не понимая что. Только гул в ушах.

Выныриваю резко.

— Да пофиг, — говорю вслух. Голос звучит глухо.

Я вытираю лицо футболкой и смотрю на её окна. Занавеска чуть шевелится. И внутри снова что-то дёргается. Да пофиг. Правда.

Я снова падаю в упор лёжа. Асфальт тёплый, шероховатый. Ладони скользят от пота, но мне плевать. Двадцать. Тридцать. Сорок. Дыхание сбивается, в голове пусто — и это хорошо.

Ещё.

Опускаюсь ниже, резко отталкиваюсь — и в следующий момент ладонь будто прожигает. Резкая, острая боль.

— Бл*ть.

Я отдёргиваю руку. Перекатываюсь на бок и смотрю. В кожу впилось стекло — мелкий осколок, но глубоко. Кровь выступает сразу, быстро, густо. Я сжимаю кулак — боль пульсирует до локтя.

Ну конечно. Не хватало ещё этого.

Сижу пару секунд прямо на асфальте, глядя, как кровь капает на бетон. Сердце всё ещё колотится от нагрузки, а теперь ещё и от злости. Сорвался.

Встал, матерясь, и быстро пошёл к подъезду.

Дома тихо. Мать на кухне.

— Макс, ты уже... — начинает она и замирает, увидев ладонь. — Господи, что ты опять...

— Нормально всё. - бросаю ей, зажимая рану на ладони.

Я прохожу мимо, в ванную. Закрываю дверь. Включаю воду. Жжёт так, что зубы стискиваются сами. Стекло вынимаю пинцетом, почти не глядя. Кровь снова идёт сильнее.

Чёрт.

Промываю, давлю, обматываю бинтом туго. Слишком туго. Ладонь ноет, пульсирует.

Смотрю на себя в зеркало. Мокрые волосы, злая рожа, глаза красные.

Из-за чего? Из-за конкурса? Смешно.

Я упираюсь руками в раковину, потом морщусь — больно.

Можно не идти. Вообще. Какая разница. Пусть танцуют. Пусть выигрывают. Пусть Кирилл держит её за талию сколько хочет. Я же не её парень. И не собирался им быть.

Стою, думаю.

И понимаю — если не пойду, буду весь вечер представлять, как он там с ней. Как они выходят вместе. Как он смотрит на неё. Как она улыбается. Это будет хуже.

Я выдыхаю.

— Ладно, — говорю тихо.

Не ради неё. Просто... интересно. Просто посмотреть.

Натягиваю чистую футболку. Ладонь всё равно ноет. Хо-

рошо. Пусть ноет. Хоть что-то объясняет это состояние.

Я беру ключи и выхожу.

Посмотрю. И всё.

Приезжаю по сказанному адресу, который этот... Бельский продиктовал так спокойно, будто я ему лучший друг. Нахожу нужное здание. Особой охраны нет - просто столик у входа и список участников, так что легко прохожу в помещение.

Внутри - гул. Зал шумит, как улей. Свет бьёт по сцене, музыка пока фоном — глухая, давящая. Народу много - родители, друзья, какие-то левые зрители, пацаны с задних рядов, которые пришли просто «посмотреть на девчонок». И я вместе с ними.

Встаю в стороне у стены, руки в карманах. Позиция наблюдателя. Ладонь под бинтом ноет — пульсирует, будто напоминает, что я вообще-то не обязан был сюда приходить.

Но я пришёл. Просто посмотреть. Не более.

Пары сменяются одна за другой. Кто-то техничный - видно что задрочены тренировками. Кто-то суетится, сбивается, ловит ритм в последни момент. Мне плевать. Я не ради них.

Я жду.

И злюсь на себя за это.

Каждый раз, когда открывается кулиса, сердце на секунду делает лишний удар. И каждый раз это не она. Да что со мной!

Ведущий что-то говорит в микрофон - шутит, объявляет

спонсоров, благодарит родителей. Зал гудит, кто-то хлопает раньше времени.

Я скольжу взглядом по рядам. Замечаю, как мужики смотрят на сцену. Не на технику. На ноги. На талию. На грудь. И мне вдруг становится противно. Тут же дети, многим нет еще и восемнадцати. Хотя на таких пялятся прыщавые школьники, их одноклассники видимо. Здорово.

Потом — пауза. Музыка стихает.

Ведущий улыбается, листает карточки.

— Пара номер семь...

Желудок неприятно тянет. Как перед дракой. Или перед прыжком с высоты.

— Бельский Кирилл и Сереброва Алина!

На секунду в зале становится тише. Или это у меня в ушах гложет все остальное.

И вот они выходят.

Глава 13

Алина

Я стою у зеркала, поправляю серьгу, хотя она и так сидит идеально. Пальцы немного дрожат. Совсем чуть-чуть. Если не смотреть — не заметно.

— Ты в порядке? — спрашивает Кирилл.

Он спокойный. Слишком спокойный. Как будто мы не на конкурсе, а на обычной репетиции во вторник вечером, ни капли сомнения.

— Конечно, — отвечаю быстро. Вру. Внутри всё стянуто. Не из-за связки. Не из-за шагов. Я знаю номер. Мы его гоняли сотни раз. До автоматизма. Поворот, проходка, поддержка — тело помнит раньше головы.

Я смотрю на себя в зеркало.

Открытая спина. Короткая юбка. Ноги длинные из-за каблучков. Макияж ярче, чем обычно. Губы чуть темнее.

«Ты специально так одеваешься?»

Вчера он сказал это с такой усмешкой, от которой хочется ударить. Как будто я - что-то, что можно оценивать.

И еще эти его слова.. Жесткие. Резкие. Словно я должна была перед ним оправдываться.

Я тогда не заплакала. Но внутри все треснуло. Какая же я глупая. Вырядилась. Надо было правда одеть топ и джинсо-

вые шорты с кроссами как все.

— Слушай меня и не спеши, — говорит Кирилл тихо, становясь ближе — Я поведу.

Я киваю. Он всегда ведёт. Чётко. Жёстко. С ним безопасно — даже в сложных элементах. И всё равно сердце колотится слишком быстро.

Ведущий объявляет предыдущую пару. Аплодисменты через ткань кулис звучат глухо. Скоро наша очередь.

Я закрываю глаза на секунду. Вдох. Выдох.

Не думать о нём. Не вспоминать как он вчера отвернулся. Как сделал вид, что ему плевать. Если плевать - почему так смотрел?

Его слова вчера оскорбили меня и я все еще зла на него.

— Пара номер семь готовится, — доносится голос.

Кирилл подаёт руку. Я вкладываю свою. Тепло. Уверенно.

— Все будет красиво, - говорит он почти шепотом.

Я киваю.

Мы выходим из тени к свету. И в этот момент шум зала становится резче. Я почти не вижу лиц — только пятна, движение, вспышки телефонов.

Становимся на исходную позицию. Я автоматически выравниваю спину, подбородок выше. Сердце грохочет в ушах.

Скольжу взглядом быстро по рядам. Ага. Вижу родителей - в третьем секторе. Мои и Кирилла. Мама улыбается напряжённо. Папа сидит прямо, слишком серьёзный. Вика машет мне едва заметно. И вдруг...

Он.

У стены. Руки в карманах. Лицо жёсткое. Смотрит прямо. Не делает вид, что рад меня видеть. Не улыбается. Не машет. Просто смотрит.

И внутри что-то щёлкает.

Я немного теряюсь на секунду. Словно из реальности выпадаю. Как будто свет становится ярче, воздух - плотнее.

Он пришел. Зачем? Макс же говорил... Он четко дал понять, что ему это все неинтересно.

Я злюсь. На него. На себя. На то, что сердце делает лишний удар.

Но когда музыка начинает нарастать, я себя отпускаю. беру себя в руки и полностью отдаюсь танцу и то что происходит между мной и Кириллом. Но с осознанием что Макс смотрит.

Музыка врезается резко. Без разогрева. Сразу в тело.

Первый шаг — каблук чётко в пол. Кирилл ведёт, ладонь на моей талии уверенная, жёсткая. Я отвечаю мгновенно — корпус назад, бедро в сторону, поворот.

Зал исчезает. Остаётся ритм. И жар под кожей.

Я чувствую его ладонь — не как прикосновение мужчины, а как точку опоры. Он даёт импульс — я усиливаю. Он ускоряет — я догоняю. Мы дышим в одном темпе.

Резкий разворот. Юбка взлетает. Бёдра отрабатывают акцент. Музыка горячая, латино — с вызовом.

Я ловлю ритм глубже. Не просто считаю. Живу в нём.

Кирилл притягивает меня ближе — почти к груди. Ладонь скользит по спине вниз — по рисунку номера. Я прогибаюсь, открываю шею, позволяю свету скользнуть по коже.

Зал реагирует. Я слышу шум. Но ищу другое.

В повороте — короткий взгляд в зал. Он там.

Не улыбается. Челюсть напряжена. Глаза тёмные. Смотрит так, будто это не танец.

И внутри вспыхивает.

Хочешь смотреть? Смотри. Если ему показалось на дне рождения, что я «слишком», если он решил, что имеет право говорить со мной так...

Я хочу, чтобы ему было некомфортно. Чтобы сжал челюсть. Чтобы отвел взгляд.

Кирилл делает резкий выброс — я вылетаю из его рук, шаги быстрые, дробь каблучков чёткая, агрессивная. Возвращаюсь к нему почти бегом. Он ловит меня за талию, разворачивает.

Я чувствую, как мышцы работают до предела. Ноги горят, дыхание ускоряется.

Это уже не просто номер. Это вызов. Ему. Себе. Максу.

Кирилл усиливает контакт — в поддержке его ладонь уверенно ложится на моё бедро. По сценарию. По технике.

Я знаю, как это выглядит со стороны. Близко. Горячо. Почти интимно.

Я чувствую, как в зале становится тише — зрители втягиваются.

Музыка набирает скорость. Мы идём по диагонали сцены — шаг, поворот, шаг, резкий стоп. Я оказываюсь спиной к Кириллу. Его рука проходит по моей линии плеча вниз — по рисунку — и резко притягивает обратно.

Я оборачиваюсь к нему лицом. Смотрю прямо в глаза. Он спокоен. Собран. Доволен. Но где-то глубже — напряжение. Он тоже чувствует, что это больше, чем просто конкурс.

Финальная часть. Самая сложная связка.

Два быстрых поворота, прыжок, перехват, поддержка.

Я лечу вверх — на секунду теряю контакт с полом — и в этой точке вижу зал целиком. И его.

Макс стоит всё там же. Но теперь его взгляд другой. Не равнодушный. Жёсткий. Злой. И от этого внутри что-то сладко обжигает. Не знаю что сильнее - желание доказать или желание чтобы он ревновал.

Я приземляюсь чётко, без ошибки. Кирилл сразу закрывает позицию — притягивает меня к себе, ладонь крепко на талии.

Последние акценты — бедро, плечо, резкий наклон.

Музыка рвётся к финалу. Я чувствую, как по спине течёт пот. Как сердце колотится в груди, почти больно.

Финальный рывок. Он притягивает меня резко, почти впечатывает в себя. Я прогибаюсь, голова назад, волосы касаются его руки. Поза фиксируется.

Тишина. Секунда. Две. И зал взрывается. Аплодисменты бьют волной.

Я выпрямляюсь, тяжело дыша. Музыка стихает, а у меня в ушах всё ещё грохочет.

Аплодисменты катятся волной, кто-то свистит, кто-то кричит наши имена. Кирилл держит мою руку поднятой, я улыбаюсь — почти автоматически. Дыхание рвётся, грудь поднимается слишком быстро, сердце стучит так, будто я не танцевала, а бежала.

— Ты сделала это, — говорит Кирилл, наклоняясь ближе.

Его голос ровный, довольный. Он сияет — спокойно, без истерики. Уверенный в результате ещё до объявления. Я киваю, но почти не слышу его.

Взгляд всё равно ищет только одного человека.

Макс не хлопает. Он просто смотрит. В его лице нет восторга. Нет улыбки. Челюсть сжата, плечи напряжены. Ладонь перебинтована — я замечаю это только сейчас. Он пришёл. И смотрел.

Внутри поднимается странная смесь — облегчение и упрямство.

Я выдерживаю его взгляд. Не отвожу. Пусть видит. Пусть понимает, что я не просто «соседская девчонка». Не просто та, что краснеет, когда он подходит. Я только что стояла под светом, и весь зал смотрел на меня.

Но почему-то важно только одно — что смотрел он.

И я не понимаю, что в этом взгляде сильнее — злость или что-то гораздо опаснее. В его глазах — не аплодисменты. А огонь.

Глава 14

Макс

Музыка стихает, но у меня в голове всё ещё грохочет.

Я стою у стены и понимаю — я реально не моргал. Ни разу.

Когда их объявили, я был спокоен. Ну выйдут. Ну станцуют. Посмотрю и поеду.

А потом она вышла. И что-то внутри сместилось.

На сцене — не девчонка со двора. Не та, что вчера краснела под гирляндами. Не та, что бегала за мной хвостом.

Она — собранная. Точная. Холодная.

Платье подчеркивает талию. Ткань двигается вместе с ней. Волосы собраны - шея открыта. Я невольно сглатываю.

Когда Кирилл положил ладонь ей на талию, я привычно сжал зубы. Мужская реакция. Территория. Глупость. Но дальше...

Дальше я перестал видеть его. Я начал видеть её.

Как она двигается. Как владеет собой. Как знает своё тело. Не стесняется его. Не прячется.

Поворот — резкий, уверенный. Спина прямая. Бёдра работают в ритме, и это уже не случайность. Это контроль.

И вот тут меня накрывает. Не мыслью. Телом. Жар поднимается резко. В груди тяжелеет. Пульс бьёт в висках. Ла-

дони становятся влажными. Я чувствую, как напрягается всё — спина, плечи, челюсть.

Это уже не просто «смотрю». Это реакция. Инстинкт. У меня пересыхает во рту.

Она поворачивается к залу — и я вдруг слишком отчётливо понимаю, что в зале сидят мужики. Это происходит мгновенно — будто кто-то включил прожектор не на сцену, а мне в голову. Много. Десятки. Моего возраста. Старше. Какие-то лощеные типы в пиджаках. Спотртсемы. Обычные хмыри. И все смотрят. Не как на участницу. Как на женщину. Слюни пускают.

Я вижу их лица. Вижу, как кто-то облизывает губы. Как кто-то не отрывает взгляд от её ног. От линии талии.

Меня прошивает злость. Резкая. Почти животная. Хочется выйти и развернуть их головы в другую сторону. Какого чёрта они вообще так смотрят.

Но потом мысль добивает сильнее: Я смотрю так же.

И от этого шок. Потому что я не заметил, в какой момент начал. Когда это произошло? Когда она перестала быть просто девочкой рядом? Когда ее талия под чужой ладонью стала меня не бесить, а ... включать?

Я никогда не смотрел на неё так. Или смотрел — просто не признавал?

Она делает поворот, платье скользит по бёдрам, свет ложится на кожу, и зал буквально замирает на секунду.

Я слышу чей-то тихий свист. И внутри всё обрывается.

Хочется развернуться и вытащить её оттуда. Закрывать. Спрятать. Чтобы никто не смотрел. Но я не двигаюсь. Стою. Сам пляшусь.

Меня прошибает дрожь осознания. Не от того, что они хотят её. От того, что я хочу её первым.

Тело реагирует раньше головы. Пульс гулко отдаётся в висках. В груди становится тесно, будто воздуха не хватает.

Я пытаюсь включить разум. Это просто танец. Просто сцена. Просто свет.

Когда Бельский проводит ладонью по её спине в связке, её тело откликается мгновенно. Пластично. Гибко. Она чувствует движение. Она чувствует прикосновение.

Она выросла. Не «подросла». Выросла. Пока я делал вид, что она маленькая. И вот это осознание проваливается в меня тяжёлым комом.

Поддержка. Он поднимает её — и я замираю. Не потому что злюсь. Потому что смотрю. Как она вытягивается в его руках. Как мышцы работают. Как свет ложится на ноги.

Она красивая. Не «милая». Красивая. И это первое слово, которое не получается вытолкнуть из головы.

Мне кажется что она находит глазами меня. Не уверен. Но сердце в это момент делает удар так, что больно.

И я понимаю — она знает. Знает, что я вижу её по-другому.

В её взгляде нет просьбы. Нет детского ожидания. Там вызов.

«Теперь видишь?»

Да. Вижу.

И от этого внутри резко становится тесно. Потому что если она больше не девочка, то тогда я не имею права делать вид, что мне всё равно.

Музыка заканчивается. Зал взрывается. Бельский поднимает её руку вверх. И впервые мне хочется не врезать ему. А выйти на сцену. Забрать. Не из принципа. А потому что я не хочу, чтобы она уходила к кому-то другому с таким взглядом.

Я чувствую, как пульсирует перебинтованная ладонь. Смешно. Я пришёл просто посмотреть. А стою сейчас с ощущением, будто опоздал.

Она смеётся, счастливая, спускается со сцены. И я больше не могу врать себе. Отрицание начинает трещать. Но тело не врёт.

Я не хочу, чтобы эти парни так на неё смотрели. Не хочу, чтобы они мысленно примеряли её к себе. Не хочу, чтобы кто-то из них решил, что может подойти после выступления.

Это не раздражение. Не детская привязанность. Это желание. Чёткое. Взрослое. И оно пугает.

Ноги уже несут. Я нахожу их у кулис.

Алина стоит у зеркала. Волосы растрепаны после поддержки, щеки горят, глаза блестят. Спокойная. Собранный. Будто вчера ничего не было. Будто я не наговорил ей лишнего.

Этот хмырь рядом - слишком близко. Рука у него на ее спине - будто так и должно быть.

Меня это бесит сильнее, чем сама сцена.

Я подхожу.

Кирилл замечает меня первым. Кивает.

— Хорошо выступили, — говорю ровно. Голос чужой.
Слишком спокойный.

Он отвечает спокойно:

— Спасибо.

Алина оборачивается. Молчит. Смотрит мимо. Держит лицо. Слишком ровное.

Сразу чувствую - стена.

Не та девочка, что смотрела на меня из зала. Другая. Холодная.

— Поздравляю, — добавляю уже ей.

Глаза ледяные.

— Спасибо.

Коротко. Чётко. Как будто между нами ничего нет. И вот это царапает сильнее всего.

— Номер получился, - говорит Кирилл, - Мы вытащили сложную связку.

Мы.

Я сжимаю перебинтованную ладонь.

— Видно, - отвечаю.

Смотрю на нее, не на него.

— Ты хорошо выглядела.

Раньше от этих слов Алина краснела. Сейчас - только улыбка. Вежливая.

Бельский чувствует момент. Вижу как у него в глазах появляется это - спокойная уверенность.

Я замечаю, как её взгляд вдруг опускается ниже. На мою руку.

Она замирает. Маска трескается на секунду.

— Ты поранился? — тихо.

Голос уже не такой ровный.

Я пожимаю плечом.

— Ерунда.

Она делает шаг ближе. Неосознанно. Смотрит внимательно. И в глазах — не сцена, не вызов. Тепло. Беспокойство. Вот это меня и ломает.

— Нам нужно к организаторам, - говорит мажорик, чуть наклонившись к ней.

Нам.

— Макс, ты что-то хотел?, - смотрит на меня Алина.

А ведь правда. Я и сам не знаю, что хотел.

Алина берет его за руку. Пальцы переплетаются. И она смотрит на меня. Прямо. Спокойно. Без злости. Только холодная решимость.

— Увидимся, - говорит она.

И проходит мимо. Так близко, что я чувствую ее духи. Но не касается. Ни плечом. Ни взглядом больше.

Бельский идет рядом. Спина прямая. Шаг уверенный. По-

бедитель.

Я остаюсь стоять. Шум за кулисами глухой как под водой. Перебентованная ладонь ноет. Челюсть сводит. Самое поганое - я понимаю что она не играла.

И если сейчас кто-то выглядит победителем - то это точно не я.

Глава 15

Алина

Дождь уже прошёл. Капает только с крыши — редкими, ленивыми каплями. Воздух влажный, свежий. Асфальт во дворе тёмный, блестящий.

Я стою у окна. Из моей комнаты отлично видно гараж Макса.

Ворота открыты. Он там. И Костя рядом. Возьмётся с машиной — капот поднят, инструменты разложены прямо на бетонном полу.

Они не промокли, дождь уже закончился. Но футболки чуть прилипли к плечам. Волосы у Макса всё ещё влажные. Он проводит рукой по затылку, откидывает пряди назад.

Никак не могу забыть его взгляд. Все время прокручиваю в голове. Сам ведь психанул, еще и чуть Кирилла не покалечил. Но при этом зачем-то приперся на конкурс. Я была удивлена. Просто дышать перестала. Макс не отводил глаз. Все время смотрел. Но я была так зла на него. Макс так легко обесценил меня на дне рождения. Еще и с девчонками все время общался, на меня ноль внимания. Впрочем как и всегда.

Маша после попросила его номер телефона. Да и Лера что-то там заикалась. Но я сказала, что у Макса разбился те-

лефон. Выпал из кармана и попал под колеса. Так что он теперь без связи. Девочки вздохнули, ограничились только номерами Яна и Тима. Надеюсь парни не сдадут и не поделятся номером Макса.

Да, это был детский поступок. Глупо. Где-то стыдно. Но мне совсем не нравится когда он обращает внимание на других девушек. Я хочу чтобы его внимание было только моим. А не какой-нибудь Маши. Хоть она и хорошая девчонка.

Я слишком долго смотрю.

Макс наклоняется к мотору, рука напряжена, мышцы на предплечье проступают чётче из-за влажной кожи. Бинт на ладони белеет на фоне тёмного металла.

И вдруг он выпрямляется. Поднимает голову. Смотрит прямо на моё окно.

Я отшатываюсь от стекла, как будто меня поймали. Секунда. Две. Сердце начинает биться быстрее.

Я осторожно выглядываю снова. Макс снова чинит машину. Вот мерзавец. Я все еще зла. И меня раздражает что только его взгляд заставляет сердце так трепыхаться.

Но через пару минут — опять взгляд вверх. Прямо сюда.

Он знает, что я смотрю? Или просто проверяет?

Глупая.

Я прижимаю лоб к прохладному стеклу.

Он стал другим. Смотрит иначе. Подходит ближе. Молчит дольше. И я каждый раз таю. Но стоит ему отстраниться — внутри всё падает.

Костя что-то говорит, смеётся. Макс отвечает коротко. Потом вытирает руки тряпкой и снова — быстрый взгляд на окно.

Ловит меня.

Наши глаза встречаются. И меня словно щёлкает изнутри.

Он не улыбается. Но и не отводит взгляд.

Я первая.

Щёки горят. Хватит.

Я хватаю телефон. Набираю Костю. Не Макса. Смелости не хватает.

— Да? — отвечает он почти сразу.

— Вы долго ещё? — стараюсь говорить ровно. — Может, чай? Я заварила... свежий.

Пауза. Слышу на фоне голос Макса.

— Кто? — коротко.

— Алина, — отвечает Костя.

Тишина на секунду. Сердце в горле.

— Щас подойдём, — говорит Костя. — Минут десять.

— Хорошо.

Я сбрасываю.

Макс уже смотрит сюда. Не прячется. Не делает вид, что случайно. Просто смотрит. И в этом взгляде что-то новое.

Я отхожу от окна. Надо поставить чашки. Надо успокоиться. Надо перестать улыбаться.

С чего я улыбаюсь вообще? Что-то я немного разволновалась.

Я суечусь на кухне, будто у меня не чайник закипает, а экзамен начинается.

Чашки. Сахар. Печенье на тарелку. Зачем я вообще печенье достала? Надо что-то посущественнее. Открываю холодильник, смотрю что есть - остался салат. Отлично. Есть колбаса. Совсем замечательно. Вроде кусочек сала еще. Супер.

Пока чайник кипит, готовлю бутерброды. Выкладываю буквально все что есть. Ставлю фрукты, конфеты, варенье еще от бабушки. Не знаю что им понравится.

Слышу, как хлопает подъездная дверь. Потом шаги. Мужские. Тяжёлые по мокрому полу.

Сердце сразу в горле.

Звонок. Я открываю.

Они стоят на пороге. Запах улицы, сырого асфальта и машинного масла сразу заполняют прихожую.

— О, хозяйка, — улыбается Костя. — Спасла нас от простуды.

Макс молчит. Футболка чуть влажная, волосы темнее обычного. На шее капля воды скатывается ниже, к ключице.

Я отвожу взгляд.

— Проходите, — говорю слишком быстро.

Беру два полотенца. Косте протягиваю в руки.

— Держи.

Он сразу начинает вытирать голову, весело болтая:

— Да мы почти закончили, там просто как всегда - заде-нешь одно - полетело сразу другое ...

Я его почти не слышу. Потому что Макс стоит передо мной. Молча. Смотрит.

Я не знаю, зачем это делаю. Просто поднимаю полотенце и накидываю ему на голову. Он не сопротивляется. Не говорит ничего. Просто стоит.

Я держусь за края полотенца, будто собираюсь вытереть ему волосы.

Мы слишком близко. Я чувствую тепло от его тела. Чувствую, как он дышит. Медленно. Глубже, чем обычно.

— Да там проводка, походу, — продолжает Костя где-то сбоку или скорее уже прошел на кухню. — Я говорю ему, надо менять...

Слова проходят мимо. Макс смотрит на меня из-под полотенца. Не улыбается. И этот взгляд... он не такой, как раньше.

Не дружеский. Он тянет.

Я сжимаю края ткани чуть сильнее.

— Ты мокрый, — шепчу зачем-то. Глупость. Конечно мокрый.

Я слегка потираю ему волосы. В этот момент его рука поднимается. Тёплая ладонь ложится на моё запястье.

Я замираю. Сердце стучит так громко, что, кажется, слышно всем.

Он не тянет к себе. Просто держит. Смотрит. И в его глазах нет насмешки. Там что-то другое. Серьёзное. Опасное.

На руке его браслет. Макс задевает его большим пальцем.

Или поглаживает. Не знаю.

Костя продолжает болтать, садится за стол, гремит чашками. Как будто ничего не происходит.

А у меня под кожей — электричество.

Я понимаю, что если сейчас не отступлю, то сделаю шаг вперёд. И не уверена, что смогу остановиться.

— Чай остынет, — выдыхаю.

Опомнившись, осторожно вытаскиваю запястье из его руки. Шаг назад.

Полотенце соскальзывает с его головы на плечи. Он всё ещё смотрит. Но уже чуть иначе. Как будто тоже едва удержался.

Я прошмыгиваю в кухню. Макс идет следом. Костя все так же продолжает свой рассказ, уже беря один из бутербродов.

Я наливаю чай, стараясь, чтобы руки не дрожали. И чувствую его взгляд в спину. Слишком явный.

Я подаю парням чай и себе тоже. Костя, как всегда, берёт на себя весь эфир.

— Я ему говорю, если ты ещё раз эту клемму так воткнёшь, она у тебя взорвётся, — машет руками, смеётся. — А он стоит, герой, с бинтом...

Я улыбаюсь. Поддакиваю.

— Ну зато завелась же?

— Завелась, но это чудо.

Я стараюсь говорить легко. Спокойно. Как будто внутри ничего не происходит. Но происходит.

Потому что Макс сидит сбоку. Расслабленно. Локоть на столе. Пальцы постукивают по чашке. Он почти не говорит. Только коротко кивает, иногда хмыкает. И смотрит. Если его взгляд касается меня — он не скользит. Он задерживается. Сверлит. Медленно. Будто я — не собеседник, а задача, которую он решает.

Я ловлю его взгляд случайно — и тут же опускаю глаза в чашку. Щёки горят. Я помешиваю чай и увлечённо смотрю как закручивается заварка в водовороте.

Костя что-то рассказывает про соседа, про двор, про то, как они чуть не уронили домкрат. Я смеюсь. Слишком громко.

Макс на секунду прищуривается. И я чувствую, как по спине пробегает дрожь.

Он ничего не говорит. Но в тишине между словами Кости — слишком много напряжения.

Телефон на столе у Макса вибрирует. Он смотрит на экран. Хмурится.

— Тим.

Костя сразу перестаёт смеяться.

— Чё там?

Макс отвечает коротко:

— Да.

Слушает. Лицо меняется. Челюсть напрягается.

— Где вы? — спрашивает он уже жёстче. — Сейчас будем.

Сбрасывает.

— Разборка, — коротко говорит Косте.

Тот мгновенно поднимается.

— С кем?

— Да там... фигня. Сейчас поедем.

Фигня. Сердце неприятно сжимается.

— Какая разборка? — не выдерживаю я.

Макс смотрит на меня. Спокойно. Слишком спокойно.

— Обычная. Не забивай голову.

Обычная. Как будто это слово должно меня успокоить.

Они уже встают. Костя допивает чай залпом.

— Спасибо за гостеприимство, хозяйка.

Я поднимаюсь тоже.

— Может, не надо? — вырывается тихо. — Можно же...

ну... позвонить кому-то. Или...

Глупо. Кому позвонить? Супермену? Я знаю, что они всё равно поедут.

Макс подходит ближе. Не касается. Но останавливается почти вплотную.

— Всё нормально, — говорит тихо.

И опять этот взгляд. Не резкий. Не холодный. Но такой, от которого внутри становится тревожно.

— Это быстро. Так поговорим немного.

Я киваю. Не верю.

— Не ссы, Алинка, все путем будет, — отшучивается Костя.

Парни выглядят довольно бодро и даже весело. А вот мне

СОВСЕМ НЕ ВЕСЕЛО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.